

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г.А. Ястребов

**ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ
МОБИЛЬНОСТИ В РОССИИ
В ДЛИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ**

Препринт WP17/2015/01

Серия WP17

Научные доклады
Лаборатории сравнительного анализа
развития постсоциалистических обществ

Москва
2015

Редактор серии WP17
«Научные доклады
Лаборатории сравнительного анализа развития
постсоциалистических обществ»

О.И. Шкаратан

Ястребов, Г. А. Динамика социальной мобильности в России в длительной исторической перспективе [Электронный ресурс] : препринт WP17/2015/01 / Г. А. Ястребов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (1 Мб). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – (Серия WP17 «Научные доклады Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ»). – 65 с.

Работа посвящена анализу процессов социальной мобильности в российском обществе.

С этой целью рассмотрены ключевые отечественные и зарубежные работы по данному направлению, а также проведено обсуждение основных теоретических и методологических аспектов исследования. Ядро работы составляют результаты эмпирического анализа, выполненного на материалах повторных представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг., проводившихся по схожей программе с целью получения репрезентативных данных о характере социальной стратификации и социального воспроизводства в постсоветской России.

Полученные в исследовании результаты позволяют пересмотреть некоторые оценки социальной мобильности в российском обществе, полученные другими исследователями. При этом, что в целом подтверждена известная тенденция к снижению интенсивности социальных перемещений для постсоветских поколений, также установлено, что эта тенденция не была постоянной. Для поздних постсоветских поколений, окончивших образование уже в 2000-е годы, социальные траектории оказались в меньшей степени обусловленными социальным происхождением.

Ключевые слова: социальная мобильность, социальное неравенство, социальное воспроизводство, социальные трансформации, российское общество, советское общество, постсоветское общество

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (проект «Анализ трансформаций в системе социального неравенства и процессов социальной мобильности в постсоветской России за период 1994–2013 гг.», 2014 г.).

Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ – её заведующему и вдохновителю О.И. Шкаратану, а также стажерам-исследователям Е.И. Гасюковой, И.О. Курочкиной и С.А. Кортаеву – за обсуждение идей и результатов данного исследования, а также колоссальную работу, связанную с объединением базы представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг., в процессе которой была произведена гармонизация ключевых переменных, осуществлён дополнительный ремонт выборки и выработаны алгоритмы для подготовки данных к дальнейшему анализу.

Кроме того, методология и результаты исследования обсуждались в ходе нескольких сессий исследовательского семинара под руководством профессора Фабрицио Бернарди в Европейском университетском институте (Флоренция) осенью 2014 г. Автор также благодарен участникам семинара за высказанные в ходе обсуждений замечания.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Ястребов Г. А., 2015

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

Введение: общий контекст исследования

Интенсивность и направленность процессов социальной мобильности рассматриваются социологами [*Breen 2010б; Breen, Jonsson 2005*] как одни из ключевых индикаторов, позволяющих оценить степень открытости современных обществ, а точнее преодолимости тех ограничений, которые связаны с не зависящими от воли людей социальными (в широком смысле) обстоятельствами и которые в то же время препятствуют реализации их амбиций, талантов и творческого потенциала. Представление о том, как в действительности развиваются эти процессы, даёт возможность оценить успехи общества в решении проблемы равенства шансов, являющейся, по признаю многих учёных, краеугольной с точки зрения достижения оптимального баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

В то же время последние сравнительные исследования показывают, что современный мир по-прежнему далек от решения этой проблемы. За последние 20 лет было реализовано, по крайней мере, три крупных исследовательских проекта [*Erikson, Goldthorpe 1992; Shavit, Blossfeld (eds.) 1993; Breen (ed.) 2004*], в которых опровергается тезис о растущей социальной мобильности и приводятся убедительные доказательства тому, что наследование классовых преимуществ является неизбежной характеристикой даже самых продвинутых обществ. Представители различных идейных направлений рассматривают разные механизмы этого воспроизводства, однако сам факт признается всеми – данная закономерность связана с внутренней логикой современного капитализма и является его неотъемлемой чертой. Тем не менее те же исследования показывают, что отдельным странам (конкретно – скандинавским) всё же удалось достичь определенных успехов в решении этой проблемы, прежде всего благодаря активной социальной политике и вмешательству государства [*Breen (ed.) 2004*]. Тем самым социальная мобильность может рассматриваться ещё и как некоторое отражение эффективности институциональных мер, предпринимаемых государством для активизации творческого потенциала различных групп населения.

В связи с вышесказанным актуальность проблемы изучения социальной мобильности в постсоветской России представляется очевидной. Возможность сравнить динамику социальных перемещений за отдельные периоды её советской и постсоветской истории даёт нам возможность по-новому взглянуть на характер ключевых институциональных преобразований и оценить их последствия для структуры социального неравенства и процессов социальной стратификации.

Злободневность данной темы подчёркивает и тот факт, что социальное неравенство и общая слабость современных государств в решении проблемы равенства шансов по-прежнему являются ключевыми вопросами, волнующими социологов во всем мире. О том, что эти проблемы не только не теряют, но приобретают все большую актуальность, можно судить по повестке одного из ключевых социологических мероприятий, состоявшегося в июле 2014 г. – недавнего конгресса Международной социологической ассоциации «Facing an Unequal World: Challenges for Global Sociology». В числе тем, заявленных для обсуждения на этом мероприятии, были представлены сюжеты, связанные с увеличивающимся социальным расслоением (в том числе в наиболее развитых странах мира), практически повсеместно наблюдающимся сжатием ресурсной базы «среднего класса», снижением мобильности и перспектив трудоустройства для молодежи, неравенством в доступе к качественному образованию и т.д. (см., например, [Ильин 2014]).

В данной статье мы ставим перед собой целью рассмотреть процессы социальной мобильности в российском обществе, а также представить количественные оценки этой мобильности, задействуя собранный нами эмпирический материал и полагаясь на современные средства его анализа. Принципиальной новизной этого анализа для российского контекста является то, что мы 1) рассматриваем указанные процессы в достаточно широкой исторической перспективе (эту возможность даёт нам широкая представленность различных поколений в информационной базе наших опросов) и 2) даём оценки социальной мобильности, связанные не только со структурными изменениями, но и со сменой институционального контекста, влияющего на относительные шансы достижения различных социальных позиций в зависимости от исходных точек индивидуальных социальных маршрутов.

Социальная мобильность в постсоветской России: известные факты и общая постановка исследования

Несмотря на то что многие исследователи ещё в советское время занимались социальными перемещениями [Руткевич, Филиппов 1982; Рукавишников 1977; Черноволенко, Паниотто 1984] и в постсоветское время изучали социальное неравенство [Голенкова 2008; Шкаратан и др. 2009; Тихонова 2014], проблемы социальной мобильности в актуальной отечественной литературе по данной проблематике являются одними из наименее изученных. Сразу оговоримся: мы не рассматриваем здесь специально целый класс исследований, посвящённых исследованию факторов социальной мобильности на микроуровне – к таковым можно отнести работы, в которых анализируются конкретные механизмы, влияющие, например, на доступность качественного образования для детей, вероятность карьерного продвижения или смены места жительства и прочих аспектов формирования индивидуальных жизненных тра-

екторий [Константиновский и др. 2011; Константиновский 2009; Рощина 2005, 2006, 2012]. Нас же интересует проблема моделирования и осмысления социальных процессов на макро-уровне.

Одной из немногих отечественных работ, прямо посвященных обозначенной теме является монография Ф.М. Черныша [2005], в которой проведен детальнейший анализ трансформации системы социальных институтов, обеспечивающих мобильность, в ситуации перехода российского общества от советского к постсоциалистическому рыночному. На основе анализа различных кейсов и данных разрозненных социологических опросов, автор приходит к выводу о том, что процесс модернизации российского общества не сопровождался увеличением потоков социальной мобильности – наоборот, в послереформенной России имело место постепенное «закрытие» основных социальных групп и общее снижение интенсивности перемещений. В то же время нельзя не признать ограниченность информационной базы этих исследований, поскольку используемые в них представительные данные оканчиваются 1998 г.

В своих более ранних работах мы также занимались анализом процессов внутр поколенной и межпоколенной социально-профессиональной мобильности. На основе собранных данных нами были сконструированы простейшие таблицы внутр поколенной и межпоколенной социально-профессиональной мобильности [Ястребов 2009, 2010, 2011; Шкаратан, Ястребов 2010, 2011]. Для фиксации социально-профессионального статуса использовалась специально разработанная шкала, концептуально связывающая социальный статус с характером и содержанием труда по роду основной деятельности. В ходе анализа этих таблиц нами также был сформулирован вывод о снижении интенсивности социальных перемещений, сужении возможностей для социально-профессионального роста россиян и становящемся все более характерным наследовании статуса родительской семьи. Однако ограничения использованного нами метода, к сожалению, не позволили установить в какой степени эти тенденции были обусловлены институциональными, а не структурными факторами (т.е. банальным изменением соотношения социально-профессиональной структуры между «поколением родителей» и «поколением детей»).

Высокую хаотичность профессиональных перемещений в 1990-е годы, связанную с вынужденной сменой работы и масштабным переструктурированием экономики, отмечает в своей работе П.К. Сабирьянова [Sabirianova 2002]. Она также обращает внимание на возросшее количество нисходящих перемещений, связанных с резким сокращением высокостатусных профессий вследствие их слабой востребованности в трансформирующейся экономике. Однако ее анализ, как и наш собственный, основан на информации об абсолютной мобильности, не позволяющей нейтрализовать эффект масштабных структурных изменений. К тому

же как и большинство знакомых нам исследований оно ограничено временной рамкой 1998-го года.

Единственная известная нам работа по постсоветской России, в которой вышеуказанная проблема решается с помощью использования продвинутых методов анализа, представлена исследованием американских социологов Т. Гербера и М. Хоута [Gerber, Hout 2004]. Используя данные, собранные за период с 1988 по 2000 г., они предприняли попытку сравнить характер межпоколенной социальной мобильности в позднесоветский и постсоветский период, при этом приняв во внимание весьма вероятные различия в структуре доступных социальных позиций. Благодаря этому им удалось доказать, что глубинные институциональные изменения, которые претерпело российское общество в процессе перехода от социализма к рыночным отношениям, в действительности оказали решающее воздействие на характер социальных перемещений. В частности, Герберу и Хоуту удалось показать, что в период позднего социализма мобильность носила высоко интенсивный характер (причём даже если принять во внимание тот факт, что социальная структура того времени предоставляла больше возможностей для восходящих социальных перемещений). Однако после значительных пертурбаций начала 1990-х и состоявшегося транзита к рыночной экономике, социальная мобильность в России приобрела черты, присущие этому процессу в западных странах, а именно – классовый характер, при котором социальное происхождение (статус родительской семьи) в значительной степени определяет перспективы социального продвижения. В то же время полученные Гербером и Хоутом результаты характеризуют ситуацию лишь до 2000 г., к тому же исследователи не рассматривают такие частные аспекты общего процесса мобильности, как образовательная и территориальная мобильность.

Наконец, нельзя пройти мимо двух последних отечественных работ, обращающихся к проблеме социальной мобильности. Обе работы выполнены по материалам Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, однако рассматривают мобильность с двух разных ракурсов. В работе Я. Рощиной [Roshchina 2012] анализируется межпоколенная мобильность по образованию, тогда как в работе М. Козыревой [2012] – межпоколенная социально-профессиональная мобильность.

Используя технику анализа данных с помощью мультиномиальной логистической регрессии, Я. Рощина рассмотрела мобильность в разрезе трех крупных когорт – 1946–1960, 1961–1975 и 1976–1990 гг. рождения. В своей работе она заключает, что шансы на получение более высокого уровня образования, несмотря на общее расширение образовательных возможностей и позитивные сдвиги в образовательной структуре населения, для постсоветских поколений (самых младших когорт) стали более строго привязаны к образовательному статусу родителей, чем для советских (самых старших) [Roshchina 2012: с. 1414]. Впрочем дан-

ное заключение является несколько неожиданным в свете того, что фактические результаты [Там же: с. 1423] свидетельствуют, скорее, о V-образной динамике в общем режиме мобильности: более высокой обусловленности шансов на престижное образование от образования родителей (причём как по матери, так и по отцу) для когорт 1961–1975 г. рождения, и, наоборот, более низкой – для «крайних» когорт 1946–1960 и 1976–1990 гг. рождения (это обстоятельство в представленной работе никак не комментируется). К тому же выбранная методика сравнения (с оценкой моделей на трёх самостоятельных выборках, разбитых по когортам) не только не позволяет провести тест на статистическую значимость различий между выявленными коэффициентами, но также не является удачной по соображениям, которые чуть более подробно обсуждаются ниже, в методологическом разделе данной работы.

В работе М. Козыревой рассматривается социально-профессиональный аспект мобильности. Данная работа замечательна своей глубокой профессиональной оценкой, которую автор даёт общим изменениям в социально-профессиональной структуре современного российского общества и тенденциям межпоколенной мобильности в указанном разрезе. В частности, отмечен такой специфический для постсоветской России феномен, как регрессивно-прогрессивный характер развития её социально-профессиональной структуры: с одной стороны, соответствующее постиндустриальному укладу увеличение доли людей, занятых в сфере управления и интеллектуально ёмкими видами деятельности, требующими высокой квалификации, а с другой – деиндустриализация, в результате которой сокращается потребность в производительной рабочей силе (квалифицированных рабочих) и, наоборот, растёт прослойка работников, занятых рутинным, малоквалифицированным нефизическим трудом в сфере торговли и обслуживания. Указанные структурные изменения, по мнению М. Козыревой, являются ключевыми для осмысления социально-профессиональных траекторий нынешних поколений россиян по отношению к своим родителям. Однако, используемый ей метод анализа (с помощью простых распределений), к сожалению, не позволяет всерьёз рассмотреть динамику относительной мобильности и, в частности, ответить на вопрос о том, как обусловленность шансов на рынке труда преимуществами социального происхождения изменялась с течением времени.

Закругляя этот беглый обзор, хотелось бы отметить, что спектр исследований социальной мобильности в постсоветской России в целом представлен весьма солидным перечнем данных и методологических подходов. Разумеется, мы не могли охватить в нём все существующие работы [Константиновский и др. 2011; Реутова 2004; Гимпельсон и др. 2009; Бурлуцкая 2000, и др.], однако отметили те из них, которые, с нашей точки зрения, рассматривают указанные процессы одновременно в сравнительной исторической и широкой макро-социальной перспективе. И притом, что все рассмотренные работы выполнены на достаточ-

но высоком профессиональном уровне, каждая из них так или иначе оставляет возможность для осуществления более глубокого анализа либо за счёт расширения его временного горизонта (и следовательно привлечения новых данных), либо за счёт применения более совершенных методологических подходов. Именно эти амбиции мы и попытаемся реализовать в данной работе.

Что же касается конкретных гипотез, подлежащих проверке в данном исследовании, то мы ожидаем увидеть следующее: 1) высокоинтенсивный, почти хаотичный характер социальной мобильности в первой половине 1990-х годов (так как люди зачастую вынужденно меняли род занятий и сопряженный с ним социальный и экономический статус вследствие масштабных институциональных преобразований и кардинального реформирования социальной структуры); 2) снижение интенсивности и повышение предсказуемости социальных перемещений к концу 1990-х – началу 2000-х годов в связи с относительной стабилизацией социальной системы и, конкретно, формированием классов аналогично тому, как это происходило в большинстве индустриальных стран (так называемые гипотезы о «конвергентности», «максимально поддерживаемом неравенстве и т.п. [Featherman et al. 1975; Erikson, Goldthorpe 1993]). Однако наибольший научный интерес, в том числе с точки зрения оценки качества институциональных преобразований, представляет то, как в действительности развивалась российская ситуация в 2000-е годы. С учетом резко увеличившегося неравенства на фоне крайне скромных достижений в плане развития конкурентного рынка труда, повышения доступности качественного образования, расширения возможностей для территориальной мобильности и тому подобных мер мы не ожидаем сколько-нибудь существенных изменений в режиме относительной социальной мобильности в этот период.

Методологические аспекты исследования

С точки зрения методологии описание и анализ процессов социальной мобильности по-прежнему является одной из наиболее сложных задач в современной социологии. Первой ключевой проблемой на пути к решению данной задачи является выбор концептуального определения, которое адекватно отражало бы суть изучаемого процесса. Грубо говоря, для того, чтобы дать какую-либо оценку процессам социальной мобильности, сперва необходимо определиться с тем, между чем и чем осуществляется эта мобильность? Как определить сами состояния (или позиции), между которыми осуществляются переходы? В существующей литературе по данному вопросу по-прежнему существуют большие разногласия (например, [Wright 2005; Grusky, Weeden 2001, 2006; Goldthorpe 2002, 2009; Ястребов, Шкаратан 2012, и др.]). Мы намеренно обходим стороной эконоцентристские подходы [Corak 2005; Gott-

schalk 2001], трактующие мобильность сугубо в терминах материального положения (уровень текущих доходов или накопленного богатства), акцентируя внимание на более объёмном социальном измерении рассматриваемых процессов. Однако мы также вынуждены признать, что даже среди социологов на этот счёт по-прежнему не существует консенсусного определения. Для одних социальная мобильность предполагает перемещение в упорядоченной иерархии социально-экономических статусов (являющейся синтетической шкалой, объединяющей в себе престиж профессии или вида занятости, уровень образования и материальное положение) [*Ganzeboom et al.* 1992]. Для других – это перемещение между социальными классами, образующимися на пересечении таких измерений как статус занятости (отношение к средствам производства), вид занятий и вытекающего из них положения на рынке труда [*Wright* 1996; *Goldthorpe, McKnight* 2006]. Для третьих – это мобильность в системе других возможных измерений социального положения, таких как, например, субъективное благополучие, место в иерархии власти, уровень образования и т.п. Данная дискуссия (особенно в отношении трактовки социальных классов), безусловно, носит фундаментальный теоретический характер. Её диалектическое развитие способствует уточнению наших теоретических представлений о природе и формах социальной структуры современных обществ, их социальной стратификации. Однако в практике эмпирических исследований (т.е. когда дело доходит до работы с реальными данными – например, данными социологических опросов), в процессе операционализации даже самые сложные теоретические понятия неизбежно редуцируются до набора простых эмпирических индикаторов, более или менее приближающих исследователя к сущности изучаемых явлений. В результате этой «проверки реальностью» даже самые фундаментальные разногласия по поводу ключевых определений могут попросту абсорбироваться примитивностью данных, оставляя простор для конкурирующих интерпретаций и даже спекуляций относительно наблюдаемых закономерностей.

В данной работе мы сознательно абстрагируемся от этой философской дискуссии (при том, что сами являемся её активными участниками и придерживаемся самостоятельной позиции по данному поводу (см. [*Шкаратан, Ястребов* 2008])), поскольку наша основная цель заключается как раз в том, чтобы на фактическом материале дать эмпирическую оценку процессам социальной мобильности. Это означает, что мы, как и многие другие исследователи, дерзнувшие обратиться к этой нелёгкой проблеме, также вынуждены оперировать довольно узким набором простых формальных показателей (но отдаём себе отчёт в том, что за этими показателями также может скрываться более сложная социальная действительность, чем та, которую мы можем измерить с помощью грубых социологических инструментов). Тем не менее, нам важно было подчеркнуть, что мы осознаём выше изложенные ограничения, не только для того, чтобы предвосхитить возможную критику со стороны коллег, но и с целью

на перспективу предостеречь себя от излишне претенциозных выводов при интерпретации результатов анализа.

Фактическим материалом в нашей работе выступают данные представительных опросов, проводившихся 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. по схожей программе с целью получения репрезентативных данных о характере социальной стратификации и социального воспроизводства в постсоветской России¹. Уникальность данной информационной базы по сравнению с другими масштабными социологическими обследованиями (RLMS, различные регулярные мониторинги ВЦИОМ, ROMIR, Левада-Центра, Фонда «Общественное мнение», Института социологии РАН и т.п.) определяется наличием идентичного для всех четырех обследований корпуса вопросов, которые позволяют восстановить ряд важных ретроспективных сведений о жизненных траекториях россиян, а также социальные характеристики их ближайшего социального окружения (родителей, детей, партнеров/супруг(ов) и друзей). К этим сведениям относится уровень образования, место проживания и род занятий. В зависимости от релевантности для каждого респондента эти сведения фиксировались на разных этапах его/ее жизненного пути (школа, начало трудовой деятельности, достижение 30-летия, момент опроса); для родителей респондента – в момент достижения им/ей 14 лет; для детей, партнеров/супруг(ов) и друзей респондентов – на момент опроса.

Очевидно, что для построения сколько-нибудь убедительной типологии (реальных) социальных групп, страт или классов перечисленных выше сведений недостаточно. Тем не менее, на наш взгляд, взятые не только в комплексе, но и по отдельности эти сведения всё же

¹ Опросы проводились в январе-феврале 1994 г., ноябре-декабре 2002 г., 2006 и 2013 гг. Объёмы выборок составили 2009, 2414, 2491 и 2199 человек соответственно.

Существенным ограничением следует признать то, что во всех четырех случаях опросы проводились по квотной выборке (выбор которой был обусловлен причинами финансового характера), т.е. с вынужденными нарушениями принципа случайности отбора, что тем самым делает условной интерпретацию получаемых на её основе статистик.

При построении стратифицированных квотных выборок во всех случаях в качестве основного географического критерия выбрано территориально-экономическое деление Российской Федерации. В 11-и территориально-экономических районах в общей сложности были отобраны 24 субъекта РФ и отдельно – два мегаполиса (Москва и Санкт-Петербург). В перечень этих субъектов вошли (помимо Москвы и Санкт-Петербурга): 1) по Северному району – Архангельская область; 2) по Северо-Западному району – Новгородская область; 3) по Центральному району – Владимирская, Калужская, Рязанская и Ярославская области; 4) по Волго-Вятскому району – Нижегородская и Кировская области; 5) по Центрально-Черноземному району – Воронежская и Липецкая области; 6) по Поволжскому району – Республика Татарстан, Саратовская и Волгоградская области; 7) по Северно-Кавказскому району – Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский край; 8) по Уральскому району – Республика Башкортостан, Свердловская и Челябинская области; 9) по Западно-Сибирскому району – Кемеровская и Новосибирская области; 10) по Восточно-Сибирскому району – Иркутская область и Красноярский край; 11) по Дальневосточному району – Хабаровский край.

Натуральная квота для каждого из районов рассчитывалась так, чтобы отражать соответствующую пропорцию населения (в возрасте старше 18 лет) в ее фактическом распределении по территориально-экономическим районам. Квоты по отдельным субъектам РФ задавались как отношение численности их населения к суммарной численности населения в субъектах РФ, представляющих соответствующий территориально-экономический район. Далее, внутри каждого из выбранных субъектов РФ квоты рассчитывались пропорционально фактической структуре их населения по типам поселения, уровню образования и половозрастным группам.

позволяют в некотором приближении сформировать представление о текущем социальном положении людей и более ранних обстоятельствах их социализации, а также дают возможность проследить их жизненную динамику.

Более того, во избежание «случайности» интерпретаций и спекулятивности дальнейших оценок, мы операционализируем социальную мобильность с помощью двух переменных. Речь идет о двух взаимодополняющих индикаторах текущего социального положения людей – уровня образования людей и их социально-профессионального статуса (положения на рынке труда). Указанные измерения в какой-то степени связаны друг с другом, и под это несложно подвести теоретическую основу: уровень образования способствует достижению определённого положения на рынке труда.

Мы выделяем следующие четыре группы респондентов по уровню образования: 1) респонденты с неполным средним образованием (т.е. до 9 классов средней школы, включительно); 2) полным средним образованием (т.е. 11 классов школы) и/или начальным профессиональным образованием (т.е. образование, полученное в профессиональных технических училищах или на курсах профессиональной квалификации); 3) средним специальным (профессиональным) образованием (т.е. образование, полученное в техникумах) или незаконченным высшим; и 4) законченным высшим профессиональным образованием или выше (т.е. образование, полученное в высших учебных заведениях, включая второе высшее образование, аспирантуру и т.д.). Более подробную группировку мы не используем по причинам, которые будут изложены в конце методологического раздела.

Операционализация социально-профессиональных статусов заслуживает чуть более подробного обсуждения. Исходной информацией для получения итоговой шкалы являются ответы на открытые вопросы о роде деятельности, которые задавались респондентам с рядом уточняющих формулировок². Затем с помощью базового классификатора, включающего примерно 100 наименований, эта информация «вручную» кодировалась научными сотрудниками, ответственными за обработку материалов опроса (к слову – схожая процедура применялась для кодирования информации о роде деятельности на всех этапах жизненного пути респондентов и представителей его/её социального окружения). Примерные номенклатуры кодов для различных видов занятий приводятся в табл. 2–4 приложения А.

² Например, в опросе 2013 г. вопрос звучал следующим образом: «*ЧЕМ ВЫ ЗАНЯТЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ? Не могли бы Вы не просто назвать род деятельности и должность, но и коротко пояснить, чем Вы занимались. Ответы вроде «менеджер» или «рабочий» не являются информативными, поэтому желательно, чтобы Вы были предельно точными (правильные примеры: «менеджер зала в отделении банка» или «рабочий на вагоностроительном заводе, фрезеровщик» и т.п.). Если Вы вели собственное дело, уточните, какое именно (например, «открыл собственную автомойку и автосервис») Если нигде не работали, то укажите конкретно, чем были заняты (например, «учились в вузе», «вели домашнее хозяйство», «воспитывали детей» и т.д.)*»

При построении указанного классификатора мы использовали некоторые методологические принципы «Общероссийского классификатора профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов» ОК 016-94³. Процедура построения типологии состояла из двух основных операций. В ходе первой выделялись группы занятий, родственные по функциональному содержанию труда. При этом учитывалось целевое назначение производимых благ и услуг (отраслевая принадлежность видов занятий), особенности технологии, типичный уровень механизации и условий труда и тому подобные технологические характеристики занятий. Смысл второй (главной) операции состоял в экспертной оценке выделенных групп занятий по пяти ключевым аспектам, раскрывающим характера труда. Эти аспекты включали в себя: 1) соотношение исполнительских и организаторских функций⁴; 2) степень многообразия функций, нестереотипности, творчества, эвристичности⁵; 3) степень самоорганизации в труде⁶; 4) оценка сложности труда на рабочем месте⁷; 5) социально-экономическая оценка⁸. Оценка по первым трем компонентам проводилась на основе анализа информации,

³ Сегодня этот справочный материал доступен в сети Интернет: <http://professions.org.ru/> (доступен по состоянию на 25 ноября 2014 г.).

⁴ *Варианты:* 1) исполнитель; 2) руководитель малого трудового коллектива со средним уровнем образования непосредственных подчиненных до 9 классов включительно; 3) руководитель малого трудового коллектива со средним уровнем образования непосредственных подчиненных – общее среднее и среднее специальное; 4) руководитель малого трудового коллектива со средним уровнем образования непосредственных подчиненных – вуз (бакалавр, специалист) и выше (магистратура, ученая степень); 5) руководитель «среднего звена» (начальники цехов, отделов и т.п.) со средним уровнем образования непосредственных подчиненных – общее среднее и среднее специальное; 6) руководитель «среднего звена» со средним уровнем образования непосредственных подчиненных – вуз (бакалавриат, специалисты) и выше (магистратура, ученая степень); 7) руководитель самостоятельной организации или учреждения (генеральные директора предприятий, топ-менеджеры и т.п.) со средним уровнем образования непосредственных подчиненных – до среднего специального включительно; 8) руководитель самостоятельной организации или учреждения со средним уровнем образования непосредственных подчиненных – вуз (бакалавриат, специалисты) и выше (магистратура, ученая степень).

⁵ *Варианты:* 1) фактически нет никаких отклонений от заранее установленной «рутины» работы (например, грузчики, уборщицы и т.п.); 2) возможно лишь умеренное отклонение от заранее установленной «рутины» (например, кассиры, кладовщики и т.п.); 3) возможны значительные отклонения от «рутины»; трудовые операции изо дня в день и в течение дня 2 претерпевают значительные изменения, но в ожидаемых пределах (например, автомеханики, слесари, машинисты и т.д.); 4) работа характеризуется значительными возможностями совершенствования методов, приспособлений, организации труда и необходимостью принимать решения (технологи, мастера, менеджеры магазинов и т.п.); 5) в действиях фактически нет заранее установленной рутины, данная рабочая позиция предполагает неограниченность ресурсов проявления инициативы (доценты и профессора вузов, разработчики программных продуктов, актеры, генеральные директора и т.д.).

⁶ *Варианты:* 1) получает конкретное руководство, связанное с определенными трудовыми действиями, включая задания, методы и т.д.; трудовые операции, как правило, часто подвергаются контролю; 2) получает общее руководство, связанное с трудовыми действиями; 3) получает только общие указания, касающиеся общих целей, имеет довольно широкий диапазон для определения методов составления графика работ, способов достижения целей и т.д.

⁷ Экономическая оценка сложности труда на данном рабочем месте производилась косвенным образом через измерение затрат на подготовку работников к исполнению данного труда, т.е. посредством измерения необходимого уровня образования работников (общее среднее, среднее специальное, высшее, ученая степень).

⁸ *Варианты:* 1) высокая заработная плата, отдельная квартира (отдельная многокомнатная квартира или отдельный дом с числом кв.м на одного человека более 24); 2) высокая заработная плата, жилищные условия хуже, чем в группе 1; 3) хорошая заработная плата, отдельная квартира с числом кв.м на одного человека от 18 и выше; 4) хорошая заработная плата, жилищные условия хуже, чем в группе 3; 5) удовлетворительная заработная плата, отдельная квартира или несколько комнат с числом кв.м на одного человека свыше 15; 6) удовлетворительная заработная плата, жилищные условия хуже, чем в группе 5; 7) низкая заработная плата, отдельная

содержащейся в характеристиках профессий (должностей) в «Квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и других служащих»⁹. Данные о необходимом уровне образования и социально-экономической оценке получены частично из государственной статистики, частично из материалов проведенных нами локальных исследований. Кроме того, наряду с профессионально-должностными категориями отдельно нами классифицировались те, кто на момент опроса реально не являлся экономически активно занятым (например, неработающие пенсионеры, школьники, безработные и т.д.), а также группа собственников (т.е. владельцев средств производства и лиц, для которых основным источником дохода является собственность) и самозанятых (лиц, осуществляющих самостоятельную экономическую деятельность, не будучи наёмными работниками).

Каждая группа сходных по социальным характеристикам видов занятий рассматривалась нами как формально-статистическая «рамка» реального социально-профессионального слоя. Мы исходим из предположения о том, что индивиды, близкие по своим социальным характеристикам, потребностям и нормам, закрепляются за определенными видами труда, именно поэтому соответствующие группы работников отличаются специфическим социальным обликом и стилем жизни. Это предположение также соответствует теоретико-методологическим принципам современного классового и стратификационного анализа, доминирующим среди зарубежных [Grusky, Weeden 2001; Goldthorpe, McKnight 2006 и др.] и некоторых отечественных [Аникин, Тихонова 2008; Козырева 2012] учёных.

Упомянутая выше базовая классификация, состоящая из приблизительно 100 наименований, затем была свёрнута в крупные социально-профессиональные группы по тем же принципам, что описаны выше, но с более высоким уровнем агрегирования. Результирующая шкала имеет несколько версий (см. табл. 1 приложения А), однако в своём анализе мы используем следующую упрощённую группировку (по соображениям, которые также будут изложены ниже): 1) предприниматели + управляющие и профессионалы высшего ранга; 2) управляющие и профессионалы среднего ранга; 3) управляющие низшего ранга + высококвалифицированные рабочие; 4) полупрофессионалы, занятые на должностях, требующих среднего специального образования; 5) работники рутинного нефизического труда (технические работники в сфере обслуживания и организации управления); 6) квалифицированные рабочие (работники преимущественно физического труда); 7) не- и полуквалифицированные

квартира или несколько комнат с числом кв.м на человека свыше 15; 8) низкая заработная плата, жилищные условия хуже, чем в группе 7. Естественно, что использованное разбиение шкал на градации условно и не является единственно возможным.

⁹ Утвержден постановлением Минтруда РФ от 21 августа 1998 г. № 37 с изменениями от которые внесены Постановлениями Минтруда РФ № 7 от 21.01.2000, № 57 от 04.08.2000, № 35 от 20.04.2001, № 38 от 31.05.2002, № 44 от 20.06.2002, № 59 от 28.07.2003, № 75 от 12.11.2003 и Приказами Минздравсоцразвития РФ № 461 от 25.07.2005, № 749 от 07.11.2006, № 605 от 17.09.2007, № 200 от 29.04.2008.

рабочие (работники преимущественно физического труда); 8) – домохозяйки, самозанятые и фрилансеры. Пенсионеры, безработные, студенты и прочие категории в анализе не рассматриваются по причине слишком незначительного количества наблюдений для получения каких-либо статистически значимых выводов. С алгоритмами трансформации исходной информации о видах деятельности в упомянутые выше укрупнённые шкалы можно ознакомиться в таблицах приложения А.

Текущее социальное положение – безусловно, центральная, но не единственная часть нашей теоретической модели процесса социальной мобильности. Вторую важную часть этой модели образуют обстоятельства ранней социализации индивида (аскриптивные характеристики), которые мы рассматриваем в качестве одних из возможных и притом весьма устойчивых факторов, определяющих индивидуальные социальные траектории. Эти обстоятельства мы предполагаем измерять с помощью характеристик родительской семьи респондентов, а также сведений о более широком контексте их ранней социализации, связанной с территорией проживания. Если говорить более точно, речь идёт об уровне образования родителей и типе поселения, в котором респондент проживал(а) в своём школьном возрасте. В первом случае мы выделяем 4 группы семей по принципу максимального уровня образования, достигнутого одним из родителей – эти группы совпадают с теми, которые мы используем для дифференциации образовательного статуса респондентов. Во втором случае – тип поселения – мы выделили 3 группы: 1) сельские поселения (включая посёлки городского типа), городские поселения (включая областные центры); и отдельно 3) два российских мегаполиса – Москва и Санкт-Петербург.

В обоих случаях мы предполагаем наличие определённой иерархии в представленных перечнях, означающей, что более высокое значение соответствующего социального признака сопряжено с большим объёмом социальных преимуществ, которым человек наделяется в начале своего жизненного пути. В контексте изучения социальной мобильности положение людей в системе этих измерений рассматривается нами как исходные точки их социальных маршрутов, относительно которых мы будем оценивать их текущее социальное положение (с помощью 3-х альтернативных измерений, см. выше). В свою очередь, относительную длину и направленность этих маршрутов, которые ниже мы попытаемся оценить в количественных параметрах, можно использовать для оценки интенсивности социальной мобильности и осуществления соответствующих сравнений.

К сожалению, здесь мы также вынуждены признать, что расчёт на использование более широкого спектра социологической информации, предусмотренного анкетой выше упомянутых опросов, оправдался неполностью, поскольку значительная часть респондентов во всех 4-х обследованиях оказалась неспособной восстановить сведения о социально-

профессиональном статусе родителей¹⁰. В связи с этим мы не задействуем указанную информацию в нашем анализе, поскольку это привело бы к существенному сокращению общей выборки исследования, а также нежелательным смещениям в её структуре (и, как следствие, смещениям любых оценок, полученных на её основе).

Наконец, ещё одним важным измерением нашего анализа является макросоциальный (или институциональный) контекст, представляющий собой общую характеристику отдельных поколений или целых эпох. Рассматривая и сравнивая между собой жизненные траектории различных поколений, мы можем раскрыть динамику крупных социальных изменений в достаточно широкой исторической перспективе. В частности, мы можем уточнить своё представление о характере социальной мобильности в советскую эпоху (и даже несколько отдельных эпох, на которые её можно условно разделить) и выяснить, какие изменения режим социальной мобильности претерпел в постсоветской России. Концепцию поколений в своём анализе мы операционализируем достаточно прямолинейно, разбив нашу аналитическую выборку на несколько характерных возрастных когорт. Тем не менее при построении соответствующей классификации мы также были вынуждены руководствоваться соображениями методологического характера, и объединить некоторые группы респондентов по году рождения для того, чтобы обеспечить разумное количество наблюдений для анализа¹¹.

В работе используются две версии соответствующей классификации – расширенная и компактная. Здесь мы представим только расширенную, поскольку причины и формы использования компактной версии будут оговорены отдельно там, где это будет более уместно. Мы рассматриваем поколения, 1) родившиеся до 1949 г. – когорты условного «сталинского периода» (пожалуй, самые эклектичные когорты в нашем перечне, объединяющие в себе поколение «шестидесятников»; поколения, прошедшие через войну, и поколения тех, кто родился в первые годы послевоенного восстановления); 2) родившиеся между 1950 и 1959 г. – когорты условного «хрущёвского периода» (поколение тех, чья молодость и взросление пришлись на период «брежневского застоя»); 3) родившиеся между 1960 и 1969 г. – условное поколение «перестройки» (поколения тех, чья молодость и взросление пришлись на 1980-е годы); 4) родившиеся между 1970 и 1975 г. – «переломное» поколение (те, кто заканчивал своё образование и выходил на рынок труда преимущественно в турбулентные 1989–1991

¹⁰ Если быть более точными, по всем четырем опросам количество пропущенных значений для сведений о роде занятий составило 8,2% для матерей и 19,5% для отцов. Для 21,3% выборки сведения отсутствуют по одному из двух родителей. Наличие/отсутствия родителя фиксировалось в опросах отдельной позицией и потому не учитывается в представленных цифрах.

¹¹ Мы старались соблюсти разумный баланс между долей представленности соответствующей когорты в выборке (чтобы она составляла не менее 10%), её протяженностью и соответствием определённой исторической эпохе. В связи с этим ни по одному из перечисленных критериев итоговая классификация не получилась симметричной.

гг.); 5) родившиеся между 1976 и 1980 г. – поколение «девяностых» (те, кто заканчивал образование и выходил на рынок труда преимущественно в 1990-е годы); и, наконец, 6) родившиеся между 1981 и 1996 г. – условное поколение «двухтысячных» (те, кто заканчивал образование и выходил на рынок труда преимущественно в конце 1990-х – начале 2000-х). Таким образом, мы имеем достаточно широкую палитру поколений, позволяющую охватить и детализировать значительный период социальной истории российского общества.

В качестве основного аналитического инструмента мы используем мультиномиальную логистическую регрессию, которая позволяет разложить вариацию зависимой переменной (т.е. её значений или состояний – для переменных с вероятностной, дискретной природой) в зависимости от изменений в независимых переменных (или предикторах). Для разных моделей мы используем разные наборы независимых переменных в соответствии с исходными теоретическими представлениями, изложенными выше. Более подробные спецификации конкретных моделей обсуждаются в разделе, представляющем результаты, однако здесь мы хотим остановиться на той части спецификации, которая является общей для всех моделей и которая, в конечном счёте, является центральной для анализа исторической динамики в режимах социальной мобильности в российском обществе.

Для выявления различий в режиме социальной мобильности в разрезе поколений, как уже было сказано, мы вводим дополнительную «переменную» – группировку респондентов в соответствующие возрастные когорты по году рождения. Эта переменная используется в моделях не только в форме независимого эффекта, потенциально влияющего на текущее социальное положение респондента, но и в форме так называемого «интерактивного» эффекта, допускающего различную эластичность зависимой переменной (текущего социального положения) по отношению к независимым (в частности – характеристик родительской семьи и места проживания в период ранней социализации). При этом заметим, что при использовании логистических регрессионных моделей, этот ход является методологически более корректным, чем разбиение исследуемой выборки на группы (по когортам) с целью последующего сравнения коэффициентов регрессий (или частных корреляций). Сравнение таких моделей (т.е. соответствующих коэффициентов) можно осуществлять только в том случае, если выдерживается предположение об одинаковых параметрах распределения остатков (характеристиках ненаблюдаемой неоднородности); но, как правило, в логистических регрессиях это условие автоматически нарушается при использовании разных выборок или моделей с разным набором переменных¹². В частности по этой причине сравнительные оценки образовательной мобильности в покогортном разрезе, которые были ранее получены некоторыми

¹² Более подробную аргументацию см. в [Alisson 1999; Mood 2010].

отечественными коллегами (на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ), также следует признать не совсем состоятельными [Roshchina 2012]. Использование «интерактивных» эффектов отчасти позволяет обойти это ограничение, несмотря на некоторое увеличение в количестве расходуемых степеней свободы.

Кроме того, мы также должны оговориться, почему на данном этапе не используем лог-линейные и лог-мультипликативные модели для анализа социальной мобильности, получившие особенно широкое распространение в западной социологической литературе, начиная со второй половины 1970-х гг. [Featherman et al. 1975; Erikson, Goldthorpe 1992; Xie 1992; Breen (ed.) 2004]. Этот аппарат был разработан для анализа простых таблиц мобильности, представляющих собой пересечение двух или нескольких дискретных переменных, позволяющих зафиксировать исходное и результирующее социальное положение (например, социальное положение родителей *versus* положение их детей). Преимущество данного типа анализа заключается в том, что он позволяет провести различие между абсолютной и относительной социальной мобильностью и таким образом разделить структурные и институциональные факторы этого процесса¹³. Однако в действительности этот тип анализа основан на приблизительно той же логике, что и мультиномиальные логистические регрессии, поскольку отправной информацией для конструирования оценок относительной связи между дискретными признаками являются отношения шансов (т.н. odds ratios или relative risk ratios), которые также являются инвариантными по отношению к предельным частотам распределения каждого признака в отдельности. Но при этом лог-линейные модели позволяют оперировать только ограниченным набором измерений зависимых и независимых переменных (в большинстве известных нам исследований их суммарное число не превышает четырех) и в связи с этим обладают более низким аналитическим потенциалом. Заметим, однако,

¹³ Традиционно для анализа динамики дискретных «переходов» из одной социальной группы в другую (впрочем так же можно рассматривать и «переходы», связанные образованием и территориальной мобильностью) используются так называемые «таблицы мобильности», представляющие собой частный случай таблиц сопряженности для двух переменных, где на пересечении столбцов (i) и строк (j) фиксируется количество фактических переходов из положения “i” (*origin*) в положение “j” (*destination*). Эта информация может быть восстановлена, например, на основе данных из представительных опросов путем фиксации социальных характеристик респондентов на разных этапах их жизненного пути или – для случая межпоколенной социальной мобильности – характеристик родителей респондента против характеристик его собственного социального положения.

Однако, даже если принять допущение о том, что все возможные переходы в этих таблицах можно классифицировать в терминах нисходящей, восходящей или горизонтальной социальной мобильности (что на не всегда удается сделать на практике), сама по себе табличная информация дает возможность оценить лишь абсолютную мобильность, т.е. общее число переходов, совершаемых индивидами в том или ином направлении безотносительно структуры имеющихся позиций. Так, например, сравнивая страну, в которой больше половины населения является «синими воротничками» (более низкий статус), со страной, в которой больше половины населения представлено «белыми воротничками» (более высокий статус), мы, скорее всего, обнаружим, что доля нисходящих социальных перемещений в первом случае будет выше, чем во втором. Но произойдет это просто потому, что доля низкостатусных позиций в первой стране а priori выше, а вместе с ней и вероятность попадания в соответствующую группу.

в ряде случаев указанные модели являются единственно возможной альтернативой для получения состоятельных статистических оценок социальной мобильности в условиях дефицита данных о факторах социальной мобильности.

В заключение методологической части работы, хотелось бы отметить ещё пару существенных моментов. Напомним, что в процессе аналитической декомпозиции выборки по большому количеству признаков увеличивается вероятность допущения ошибки 1-го рода, т.е. ошибочного приписывания генеральной совокупности наблюдаемых свойств выборки, которые на самом деле могут не соответствовать действительности. Особенно чувствительны к этому ограничению выборки с небольшим количеством статистических наблюдений, а также аналитические процедуры, оперирующие значительным количеством номинальных признаков (многократно увеличивающих количество степеней свободы при кросс-табуляции). В частности, именно по этой причине некоторые оценки социальной мобильности, приводившиеся как нашими коллегами [Козырева 2012], так и нами самими в более ранних публикациях [Ястребов 2009; Шкаратан, Ястребов 2011], строго говоря, нельзя рассматривать как достоверные и точные. И хотя мы не можем полностью обойти указанное ограничение, мы предпринимаем ряд шагов, направленных на улучшение аналитического потенциала используемых данных.

Прежде всего, мы используем простой ход с объединением материалов 4-х опросов в общий пул данных. Этот шаг нам позволяет сделать кросс-секционный характер опросов (каждый респондент представлен в каждом из них только один раз) и единые принципы построения их выборок (репрезентация по идентичным параметрам). При этом мы учитываем неодинаковый размер выборки во всех четырех случаях, в связи с чем перед каждой аналитической процедурой наблюдения взвешиваются пропорционально объёму их выборки в общем массиве данных¹⁴. Благодаря объединению суммарный объём выборки составил 9113 наблюдений, что существенно превышает потенциал большинства репрезентативных социологических опросов. В регрессионных моделях мы также вводим дополнительную независимую переменную «год опроса», которая позволяет «довзвесить» наши выборки, а точнее частично нивелировать потенциальные смещения в оценках коэффициентов, связанные с естественными структурными диспропорциями между базами опросов.

Второй шаг, направленный на улучшение аналитического потенциала, заключается в искусственном снижении степеней свободы за счёт манипуляций с переменными. Однако в отличие от первого шага этот имеет обратную сторону, которая снижает уровень детализа-

¹⁴ За 100% берётся выборка опроса 2006 г. с наибольшим количеством наблюдений (N = 2491) – эти наблюдения взвешиваются с коэффициентом 1. Наблюдения 1994 г. доувзвешиваются с коэффициентом 1,2399 (N = 2009); 2002 г. – с коэффициентом 1.0319 (N = 2414); 2013 г. – с коэффициентом 1.1328 (N = 2199).

ции моделей. В частности, мы несомненно были заинтересованы в том, чтобы представить максимально возможный спектр образовательных и социально-профессиональных статусов респондентов, а также когорт в нашем анализе. Но излишняя детализация приводит к образованию слишком небольшого числа наблюдений на пересечении интересующих нас признаков, что, в свою очередь, снижает их статистический потенциал. Эта проблема усугубляется тем, что значительная часть используемых в анализе признаков представлена дискретными переменными (на каждое значение которых расходуется одна степень свободы). Собственно по этой причине мы были вынуждены там, где возможно, использовать укрупнённые свёртки показателей, чтобы обеспечить более высокую объясняющую способность моделей.

Результаты анализа

В обсуждении результатов анализа мы будем придерживаться последовательности, представленной в методологической части, т.е. сперва рассмотрим модели, где «зависимой переменной» является уровень образования респондента, а затем – текущий социально-профессиональный статус. Общая описательная статистика по всем переменным, используемым в анализе, для справочной информации сведена в одну таблицу (табл. 1).

Таблица 1. Описательная статистика для переменных, используемых в анализе

Переменные	1994 г.	2002 г.	2006 г.	2013 г.	Объединённый массив
Пол					
Женский	46.2%	46.4%	49.3%	46.4%	47.2%
Мужской	53.8%	53.6%	50.7%	53.6%	52.8%
[пропущ.]	4	0	0	6	10
Возраст	39.3 (13.6)	38.8 (11.5)	38.7 (11.1)	43.9 (14.9)	40.1 (13.0)
[пропущ.]	6	6	0	3	15
Когорты					
1916/49	50.7%	18.0%	9.1%	22.1%	13.8%
1950/59	24.4%	31.1%	27.7%	16.8%	23.8%
1960/69	22.7%	30.3%	28.9%	18.1%	26%
1970/75	20.9%	29.8%	29.4%	19.8%	14%
1976/81	2.7%	30.0%	39%	28.4%	11.6%
1981/96	0.0%	9.4%	31.3%	59.3%	10.6%
[пропущ.]	6	6	0	3	15
Образование респондента					
Неполное среднее или ниже	16.15	13.4%	9.8%	5.2%	11.0%
Полное среднее или начальное профессиональное	22.6%	27.9%	32.8%	24.7%	27.3%
Среднее профессиональное	32.7%	35.3%	30.7%	38.3%	34.2%
Высшее или выше	28.6%	23.4%	26.7%	31.8%	27.5%
[пропущ.]	0	0	0	0	0
Социально-профессиональный статус респондента					
1. Предприниматели + управляющие и профессионалы высшего ранга	9.6%	6.6%	6.6%	6.0%	7.1%
2. Управляющие и профессионалы среднего ранга	15.7%	12.0%	12.0%	14.9%	13.5%
3. Управляющие низшего ранга + высококвалифицированные рабочие	7.7%	8.8%	9.2%	7.5%	8.4%
4. Полупрофессионалы (на должностях, треб. ср. спец. образования)	16.6%	16.5%	15.4%	18.8%	16.7%
5. Работники рутинного нефизического труда	5.8%	8.4%	8.0%	9.2%	7.9%
6. Квалифицированные рабочие	26.8%	26.2%	30.9%	25.9%	27.6%
7. Не- и полуквалифицированные рабочие	13.7%	13.5%	11.7%	13.8%	13.1%

8. Домохозяйки, самозанятые и фрилансеры [пропущ. + безработные и прочие категории, не включенные в анализ]	4.1% 318	8.0% 269	6.2% 51	4.1% 244	5.8% 782
Образование родителей					
Неполное среднее или ниже	4.1%	4.4%	2.7%	14.0%	6.1%
Полное среднее или начальное профессиональное	53.7%	42.5%	38.9%	27.0%	40.4%
Среднее профессиональное	20.6%	29.9%	32.7%	31.7%	29.0%
Высшее или выше	21.6%	23.2%	25.7%	27.4%	24.5%
[пропущ.]	103	158	117	229	607
Место проживания в детстве					
Села, деревни и ПГТ	45.0%	45.3%	42.4%	40.2%	43.2%
Города (вкл. обл. центры)	48.5%	48.7%	50.0%	51.2%	49.6%
Москва и Санкт-Петербург	6.5%	6.0%	7.7%	8.7%	7.2%
[пропущ.]	0	0	0	0	0
N (объём выборки)	2,009	2,414	2,491	2,199	9,133

Примечание:

1. Для номинальных переменных указаны проценты распределения значений по столбцу.
2. Для интервальных переменных указано среднее значение, в скобках – стандартное отклонение.
3. Для пропущенных значений и размера выборки указано точное количество наблюдений.

Социальная мобильность по образованию

Главная модель, на которую мы опираемся в этой части анализа, рассматривает текущий уровень образования респондента как функцию от двух ключевых факторов – уровня образования родителей и места ранней социализации. Дополнительно в модели контролируются пол респондента, год проведения опроса и принадлежность к соответствующей возрастной когорте (здесь мы используем расширенную версию данной классификации). Возраст респондентов не контролируется, так как мы оцениваем модель на выборке респондентов старше 20 лет¹⁵ и предполагаем, что к этому возрасту образовательный профиль респондентов должен сложиться уже более или менее окончательно (т.е. выборка охватывает тех, кто к моменту опроса уже должен был, по крайней мере, поступить в высшее учебное заведение).

Также модель включает в себя упомянутые выше «интерактивные эффекты», позволяющие проверить предположение о различиях в характере связи между текущим положением респондента и обстоятельствами его социализации. Этот эффект представлен в первой модели пересечением «образование родителей» × «когорта». Мы будем рассматривать аналогичный эффект для второй переменной – место проживания в период ранней социализации – в отдельной модели, чтобы не расходовать слишком большое количество степеней свободы (так как с включением интерактивных эффектов оно автоматически увеличивается на 6 (число когорт – 1), умноженное на число значений соответствующей переменной минус один). Развёрнутые результаты статистической оценки (параметры модели) представлены в табл. 2.

¹⁵ Потеря от исходного объёма выборки не превышает 2%.

Таблица 2. Результаты мультиномиальной логистической регрессии для модели социальной мобильности с зависимой переменной «образование респондента» и допущением о меняющемся влиянии родительского статуса в зависимости от когорты

Параметры модели	Образование респондента [отсчётная группа - Высшее или выше]					
	(1) Неполное среднее		(2) Полное среднее или начальное профессиональное		(3) Среднее профессиональное	
Пол [Мужской]						
Женский	.46***	(.04)	.50***	(.03)	.95	(.06)
Год опроса [1994]						
2002	1.56***	(.19)	1.43***	(.14)	1.35***	(.12)
2006	.99	(.13)	1.46***	(.14)	1.07	(.09)
2013	.27***	(.04)	.85	(.09)	1.12	(.10)
Когорта [1916/49]						
1950/59	.23***	(.09)	1.26	(.47)	1.39	(.51)
1960/69	.30**	(.15)	1.59	(.74)	1.61	(.74)
1970/75	.23**	(.17)	.27	(.22)	.51	(.37)
1976/81	.90	(1.10)	1.11	(1.41)	1.40	(1.66)
1982/96	.16	(>100)	>100	(>100)	>100	(>100)
Место проживания в детстве [Сёла, деревни и ПГТ]						
Города (вкл. обл. центры)	.43***	(.04)	.60***	(.04)	.69***	(.04)
Москва или Санкт-Петербург	.39***	(.08)	.71***	(.09)	.63***	(.07)
Образование родителей [Неполное среднее или ниже]						
Полное среднее или начальное профессиональное	.22***	(.07)	.48**	(.16)	.83	(.26)
Среднее профессиональное	.03***	(.01)	.19***	(.07)	.46**	(.15)
Высшее или выше	.01***	(.01)	.07***	(.03)	.20***	(.07)
Интерактивные эффекты						
«Полн. ср. или нач. проф.» × «1950/59»	1.82	(.76)	1.35	(.55)	.84	(.33)
«Ср. проф.» × «1950/59»	2.84*	(1.56)	1.45	(.67)	1.04	(.44)
«Высшее или выше» × «1950/59»	1.90	(1.35)	1.23	(.64)	1.10	(.48)
«Полн. ср. или нач. проф.» × «1960/69»	1.16	(.62)	1.41	(.70)	.80	(.39)
«Ср. проф.» × «1960/69»	1.56	(.99)	1.20	(.63)	1.04	(.52)
«Высшее или выше» × «1960/69»	1.64	(1.21)	1.38	(.79)	1.18	(.60)
«Полн. ср. или нач. проф.» × «1970/75»	3.20	(2.46)	12.18***	(1.42)	3.26	(2.49)
«Ср. проф.» × «1970/75»	4.72*	(3.89)	9.11**	(7.91)	4.06*	(3.09)
«Высшее или выше» × «1970/75»	2.45	(2.23)	8.92**	(7.96)	3.08	(2.37)
«Полн. ср. или нач. проф.» × «1976/81»	1.14	(1.43)	3.14	(4.08)	1.57	(1.92)
«Ср. проф.» × «1976/81»	2.09	(2.67)	2.01	(2.61)	.90	(1.09)
«Высшее или выше» × «1976/81»	1.01	(1.35)	1.72	(2.26)	.93	(1.14)
«Полн. ср. или нач. проф.» × «1982/96»	3.62	(>100)	.00	(.00)	.00	(.00)
«Ср. проф.» × «1982/96»	1.94	(>100)	.00	(.00)	.00	(.00)
«Высшее или выше» × «1982/96»	9.93	(>100)	.00	(.00)	.00	(.00)
Константа	16.85***	(4.84)	3.60***	(1.09)	2.31***	(.68)

Log-Likelihood = -9,924.9 df = 87 Псевдо-R² Макфаддена = .10 N = 8,376

Примечание:

1. Приводятся экспонированные коэффициенты модели (relative risk ratios). В скобках указана стандартная ошибка коэффициентов.
2. Критерии статистической значимости: * – p<0.10; ** – p<0.05; *** – p<0.01.

Однако анализировать результаты в таком виде, в каком они представлены в табл. 2 сложно, в связи с чем мы также даём их графическую интерпретацию, которая основана на тех же оценках. Иллюстрации, представленные на рис. 1, показывают то, как меняется средняя вероятность достижения респондентом определённого уровня образования в зависимости от уровня образования его родителей в разрезе когорт *при условии, что все прочие факторы в модели удерживаются на одном уровне (т.е. неизменны)*. Другими словами, речь идёт о предельном изменении вероятности, которое статистическими методами «очищено» от влияния других переменных (каких именно – см. табл. 2). На рисунках изображены 90% доверительные интервалы условной ожидаемой вероятности (или т.н. средних предельных

эффектов¹⁶ – average marginal effects) независимой переменной «образование родителей» в зависимости от когорты (значение которой отложено по горизонтальной оси). Напомним, что, согласно определению доверительных интервалов, фактическое значение параметра (т.е. характеристики генеральной совокупности, которая моделируется выборкой) с 90%-ной вероятностью лежит в пределах указанных интервалов.

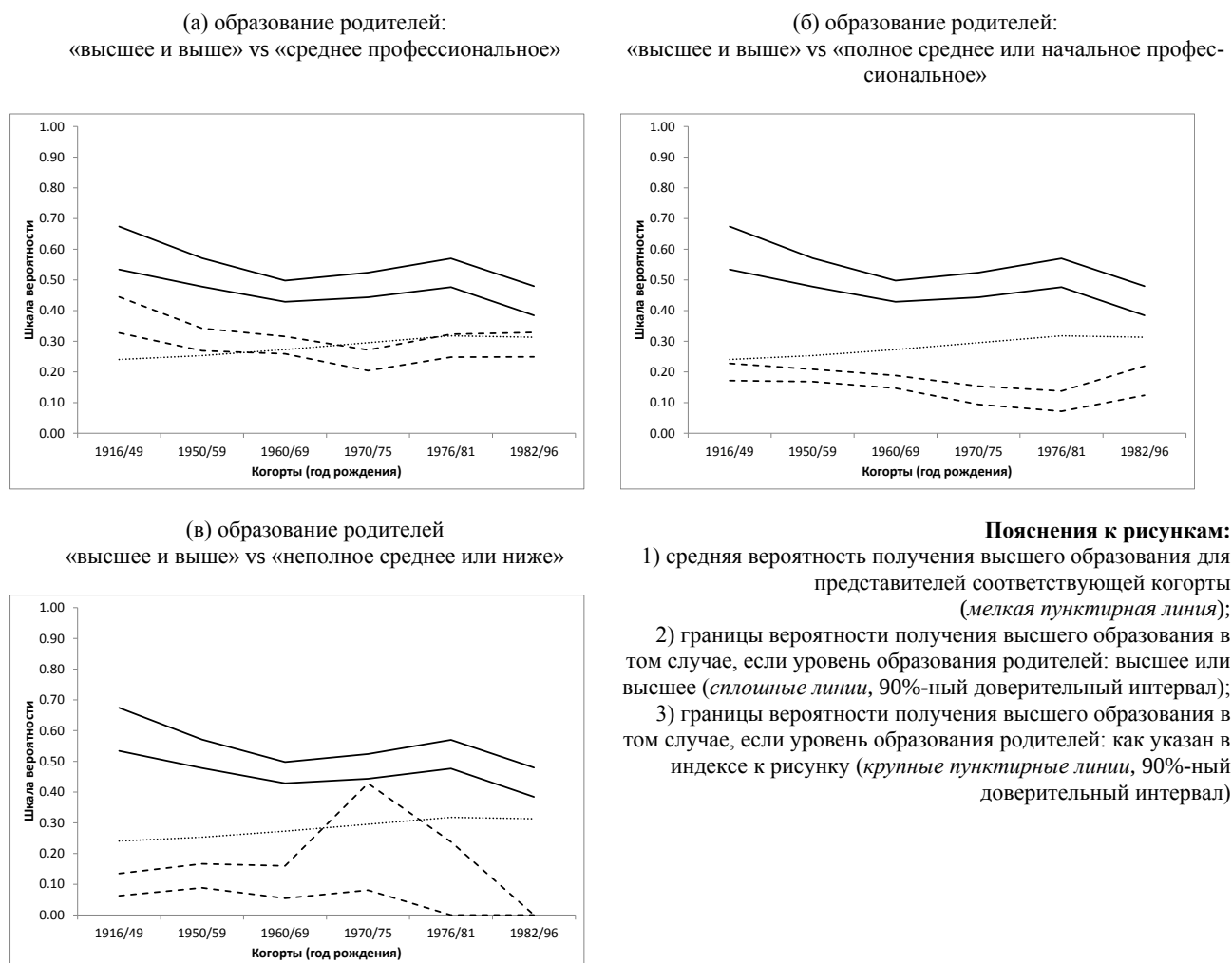

Рис. 1. Вероятность получения высшего образования в зависимости от образования родителей и в разрезе когорт¹⁷

Мелкой пунктирной линией на рис. 1 иллюстрируется пропорция респондентов с высшим образованием в каждой из рассмотренных когорт. Результаты моделирования этой пропорции представлены в табл. 3 (хотя заметим, что примерно с тем же успехом они могут быть получены простым кросс-табулированием текущего уровня образования к соответствующим когортам).

¹⁶ Указанная величина представляет собой среднее арифметическое предельных изменений в ожидаемой условной вероятности, обусловленных соответствующим фактором, рассчитанных для каждого отдельного наблюдения фактической выборки.

¹⁷ Иллюстрации основаны на результатах симуляции условных вероятностей, содержащихся в табл. 1 приложения Б.

Таблица 3. Результаты мультиномиальной логистической регрессии для базовой модели с зависимой переменной «образование респондента» (простое моделирование структуры когорт по образованию)

Параметры модели	Образование респондента [отсчётная группа - Высшее или выше]					
	(1) Неполное среднее		(2) Полное среднее или начальное профессиональное		(3) Среднее профессиональное	
Год опроса [1994]						
2002	1.51***	(.16)	1.48***	(.13)	1.36***	(.11)
2006	1.02	(.12)	1.53***	(.13)	1.08	(.09)
2013	.39***	(.05)	1.02	(.09)	1.20**	(.10)
Когорта [1916/49]						
1950/59	.34***	(.04)	1.38***	(.15)	1.16	(.11)
1960/69	.18***	(.02)	1.30**	(.14)	1.12	(.11)
1970/75	.21***	(.03)	1.10	(.13)	1.00	(.11)
1976/81	.30***	(.04)	.98	(.12)	.82*	(.09)
1982/96	.30***	(.05)	1.17	(.15)	.73***	(.09)
Константа	1.19**	(.11)	.65***	(.06)	1.07	(.09)

Log-Likelihood = -11,534.5 $df = 24$ Псевдо- R^2 Макфаддена = .03 N = 8,980

Примечание:

1. Приводятся экспонированные коэффициенты модели (relative risk ratios). В скобках указана стандартная ошибка коэффициентов.
2. Критерии статистической значимости: * – $p < 0.10$; ** – $p < 0.05$; *** – $p < 0.01$.

Первое, на что можно обратить внимание, глядя на эту линию, это то, что доля респондентов с высшим образованием увеличивается по мере движения от старших поколений к более младшим и замедляется для двух последних когорт (1976–1996 гг. рождения). В этом нет ничего неожиданного, так как это в целом соответствует известной тенденции к повышению общего формального уровня образования среди населения, происходящего одновременно вследствие усиливающегося спроса на высшее образование и соответствующего роста в его предложении. В литературе эта тенденция получила название *образовательной экспансии* (educational expansion (например, [Breen 2010a])) и является так или иначе свойственной для большинства современных обществ.

Также важно оговориться, что пропорция людей с высшим образованием в более старших когортах, представленная на рис. 1, возможно, немного завышена в силу демографических причин. Ряд демографов [Bessudnov et al. 2012] отмечает, что риск естественной и преждевременной смертности существенно увеличивается для наименее образованных групп населения, в связи с чем доля более образованных групп среди респондентов старшего возраста в нашей выборке действительно может несколько переоценивать соответствующую долю по отношению к респондентам младших возрастов.

Однако центральный интерес на рис. 1 представляют другие линии, моделирующие вероятность получения высшего образования в зависимости от уровня образования родителей. Исходной группой для сравнения на всех частях рис. 1 (а, б, в) выступают люди, чьи родители также имеют не менее одного законченного высшего образования (сплошные линии).

Крупными пунктирными линиями обозначена вероятность получения высшего образования для людей, родители которых имеют (или имели) более низкий уровень образования.

В целом несложно убедиться, что вероятность получить высшее образование среди выходцев из семей с высокообразованными родителями существенно выше пропорции людей с высшим образованием в каждой из представленных когорт. Также она существенно выше по отношению к соответствующей вероятности для выходцев из семей, чьи родители имеют более низкий уровень образования. Однако неожиданно то, что шансы получить высшее образование для выходцев из высокообразованных групп населения были максимальными для когорт, рождённых до 1949 г., и, наоборот, минимальными для когорт, рождённых после 1982 г. Более того, эта тенденция не является линейной – для людей, родившихся в 1960-е годы, эти шансы немного снизились, после чего неуверенно росли темпами, характерными для увеличения пропорции людей с высшим образованием в целом, и очередной резкий перелом тенденции (в сторону снижения – т.е. меньшей тенденции к воспроизводству образовательного статуса) произошёл между когортами 1976–1981 и 1982–1996 гг. рождения.

С другой стороны, если взять выходцев из менее образованных групп населения (не выше начального профессионального образования, рисунок 1б), можно увидеть, что шансы на получение высшего образования для неё также демонстрируют неоднозначную динамику. Для этой группы шансы на восходящую мобильность не сильно отличались от средних по когортам до 1950 г. рождения, но постепенно снижались, достигнув своего минимума для условного поколения «девяностых» (1976–1981 гг. рождения) – первых когорт, вышедших на рынок труда в постсоветское время – после чего наметилась тенденция к их улучшению.

Динамика восходящей мобильности для выходцев из семей с максимальным уровнем образования не выше среднего специального (рис. 1а) также снижалась по мере углубления советского общества в период «зрелого социализма», после чего оставалась практически неизменной вплоть до перехода к постсоветскому периоду (напомним, что мы смотрим на относительную динамику, т.е. тенденцию в изменении шансов относительно средней пропорции лиц с высшим образованием внутри каждой когорты).

Здесь и далее мы не рассматриваем группу выходцев из семей с самым низким уровнем образования (неоконченная средняя школа и ниже, рисунки с индексом «в»), поскольку небольшое количество наблюдений привело к заметному расползанию доверительных интервалов статистической оценки в отношении данной группы, о чём свидетельствуют соответствующие иллюстрации. Тем не менее для аккуратности и в целях неизбирательности нашего подхода к демонстрации результатов, мы приняли решение сохранить эти иллюстрации на рисунках. В любом случае, по крайней мере в отношении шансов на получение выс-

шего образования для выходцев из данной группы для когорт до 1970 г. рождения можно констатировать, что они были самыми низкими.

На рис. 2 представлены графики, идентичные по смыслу графикам на рис. 1, с тем лишь отличием, что «зависимой переменной» является вероятность получения среднего специального образования. Как видно, общая пропорция лиц с соответствующим уровнем образования (мелкий пунктир) была максимальной для когорт, рождённых в послевоенные годы в самой середине советской эпохи.

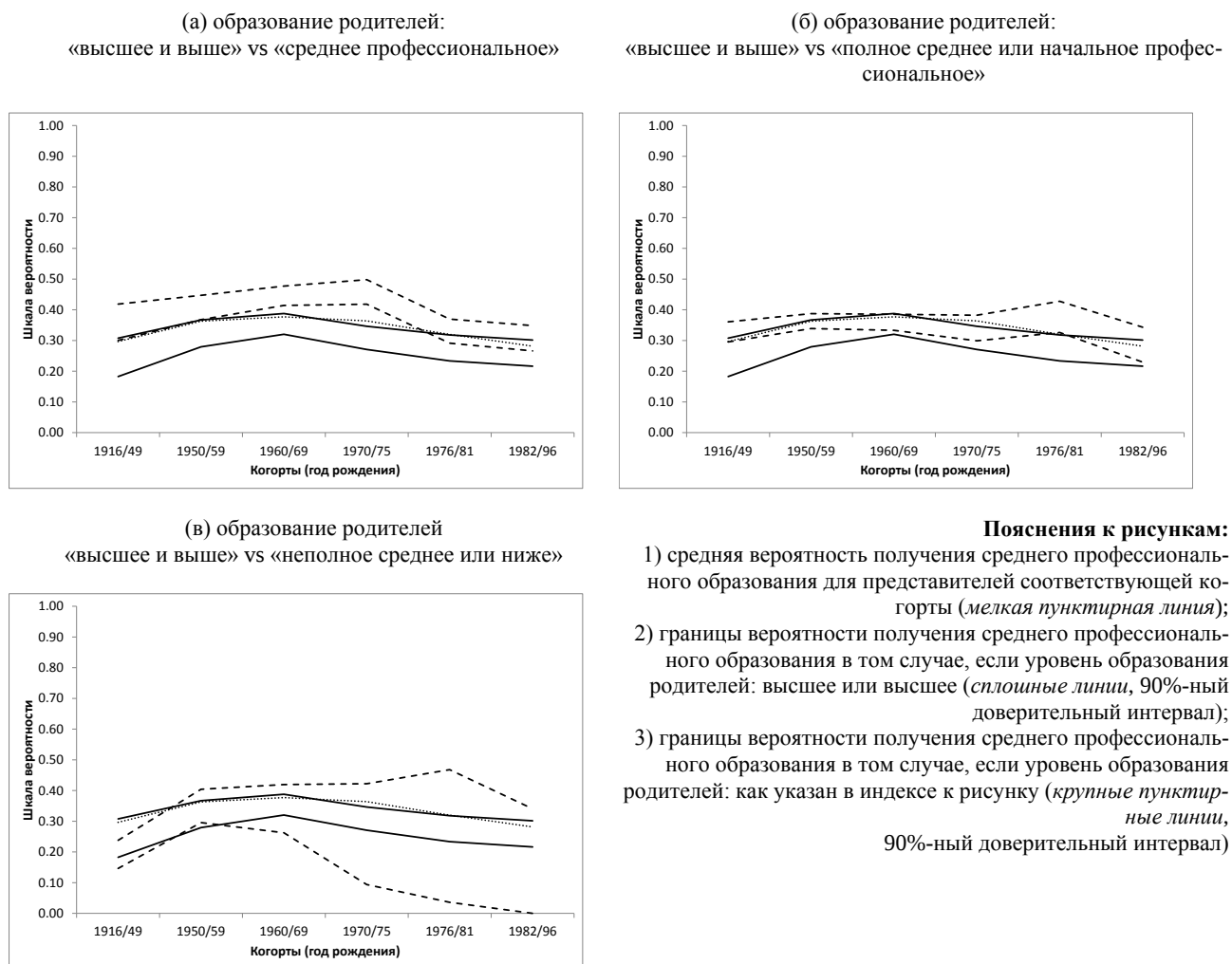

Рис. 2. Вероятность получения среднего профессионального образования в зависимости от образования родителей и в разрезе когорт¹⁸

Что касается социальных различий в динамике шансов на достижение среднего специального образования, то в целом здесь мы не наблюдаем каких-либо существенных признаков статусного воспроизводства — для всех групп эти шансы в целом оставались одинаковыми на протяжении всего представленного когортами исторического градиента. Впрочем с некоторой осторожностью всё же можно констатировать слабое усиление этого воспроиз-

¹⁸ Иллюстрации основаны на результатах симуляции условных вероятностей, содержащихся в табл. 2 приложения Б.

водства (т.е. наследование уровня образования родителей) для когорт 1960–1975 гг. рождения (см. рис. 2а).

С другой стороны, социальные различия вновь становятся более очевидными, если мы рассмотрим шансы на достижение более низкого и менее престижного (по сравнению с выше рассмотренными) начального профессионального образования, а также образования не выше полного среднего (рис. 3).

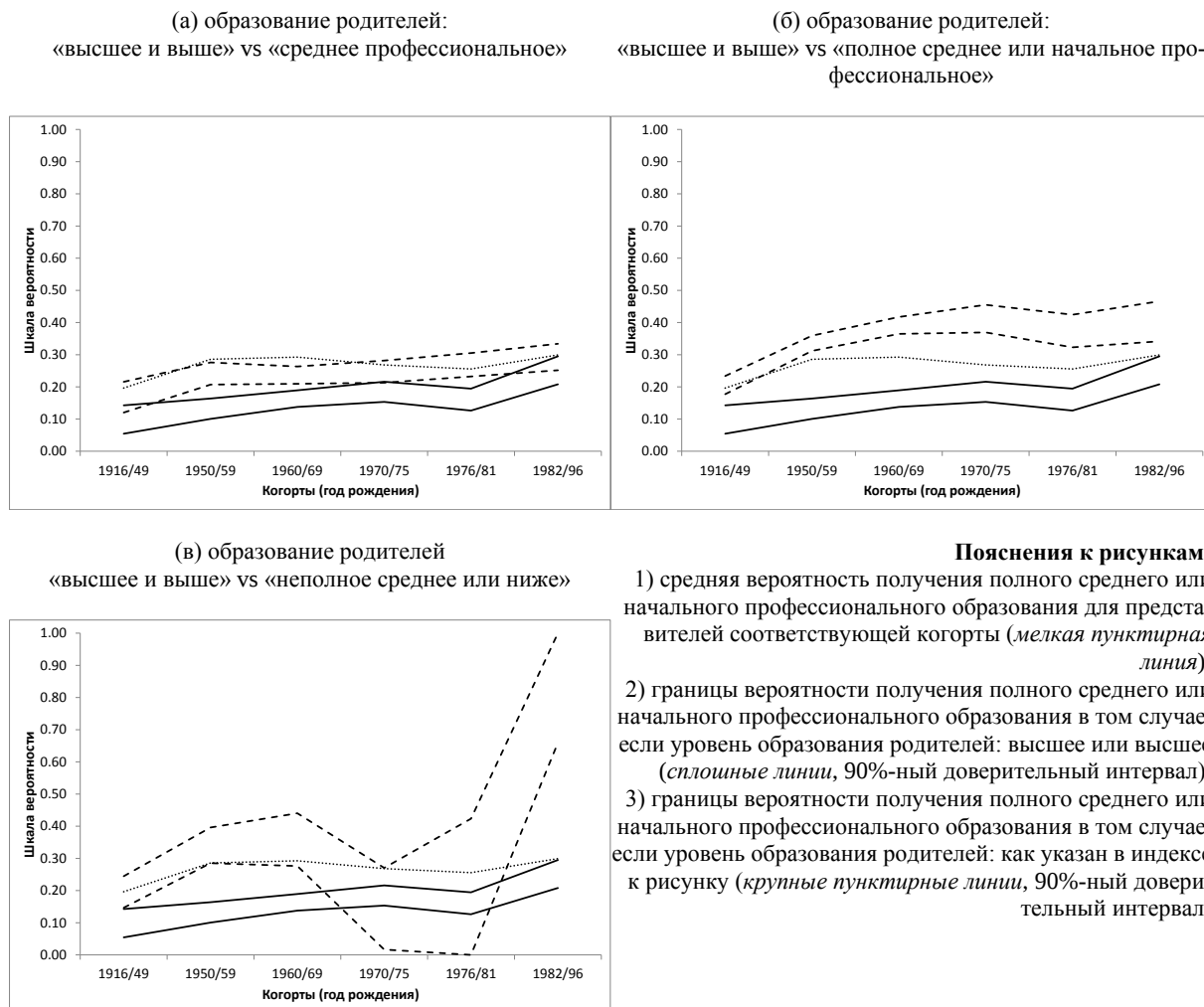

Рис. 3. Вероятность получения полного среднего или начального профессионального образования в зависимости от образования родителей и в разрезе когорт¹⁹

Как видно из рис. 3, в среднем меньше всего шансов ограничиться получением этого уровня образования имеют выходцы из высокообразованных семей. Хотя также, нетрудно заметить, что в разрезе когорт эти шансы со временем уравнились со средними: способность высокообразованных семей уберечь своих детей от понижения образовательного статуса по отношению к родителям не увеличивалась, а снижалась на протяжении советского периода. Напомним, что с этой тенденцией в целом также согласуются иллюстрации, представленные

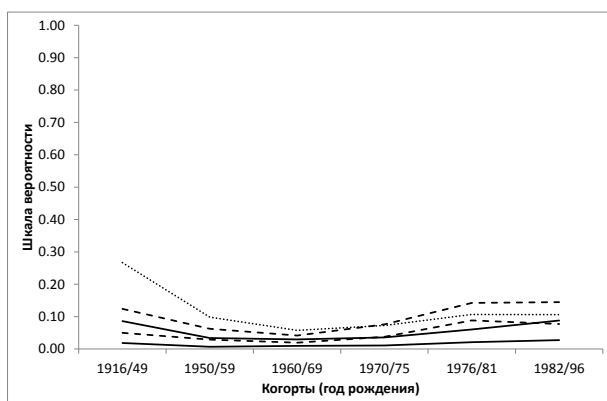
¹⁹ Иллюстрации основаны на результатах симуляции условных вероятностей, содержащихся в табл. 3 приложения Б.

выше, на рис. 1: шансы унаследовать образовательный статус родителей для выходцев из высокообразованных семей являются минимальными для поздних постсоветских когорт (1982–1996 гг. рождения).

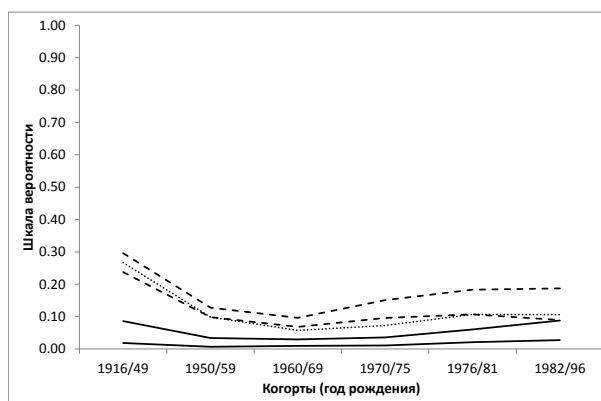
Для выходцев из менее образованных семей (образование не выше полного среднего и начального профессионального, рис. 3б) тенденция к межпоколенному воспроизводству образовательного статуса со временем, наоборот, усиливалась для когорт до 1975 г. рождения, после чего снижалась, начиная с первых когорт, выходящих на рынок труда уже в постсоветский период.

Самой маргинальной группой по уровню образования в выборке нашего исследования являются люди, не только не получившие никакого профессионального образования, но и не окончившие более 9 классов средней школы (см. рис. 4). Нет никаких сомнений в том, что эта группа обладает наиболее низкими шансами на современном рынке труда и также является группой с высоким риском бедности. С другой стороны, ни для одной из когорт соответствующая доля не превышает 10% – исключение составляют только самые старшие когорты в нашем анализе, т.е. люди, родившиеся до 1950 г. Представленная тенденция наглядно отражает успехи модернизации советской системы образования, ликвидации безграмотности среди советского населения и обеспечения адекватного индустриализации качества человеческих ресурсов. Кроме того, мы вынуждены напомнить, что для более старших когорт доля людей со столь низким уровнем образования в нашей аналитической выборке, вероятно, несколько занижена вследствие демографических причин, которые уже были изложены выше.

(а) образование родителей:
«высшее и выше» vs «среднее профессиональное»

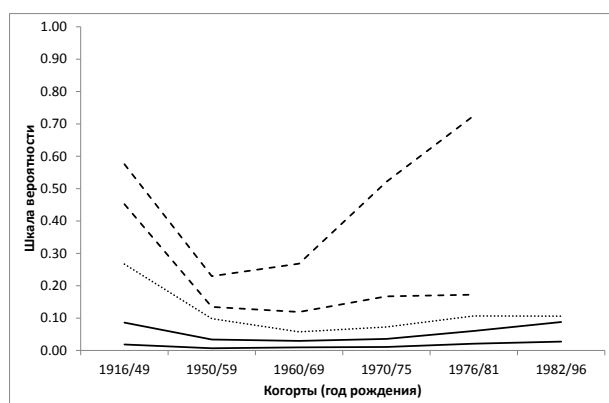
(б) образование родителей:
«высшее и выше» vs «полное среднее или начальное профессиональное»

(в) образование родителей
«высшее и выше» vs «неполное среднее или ниже»

Пояснения к рисункам:

1) средняя вероятность получения полного среднего или начального профессионального образования для представителей

соответствующей когорты (мелкая пунктирная линия);
 2) границы вероятности получения полного среднего или начального профессионального образования в том случае, если уровень образования родителей: высшее или высшее (сплошные линии, 90%-ный доверительный интервал);
 3) границы вероятности получения полного среднего или начального профессионального образования в том случае, если уровень образования родителей: как указан в индексе к рисунку (крупные пунктирные линии, 90%-ный доверительный интервал)

Рис. 4. Вероятность получения неполного среднего образования или ниже в зависимости от образования родителей и в разрезе когорт²⁰

Как видно, наиболее высокий риск попадания в данную группу имеют выходцы из самых необразованных семей (рис. 4в). Причём относительно средней для каждой²¹ когорты вероятности этот риск изменялся крайне незначительно: т.е. несмотря на общие успехи советской системы образования (и снижение общей доли малообразованного населения), существенно ослабить инерцию социального происхождения (по крайней мере в отношении рассматриваемой группы по соответствующему уровню образования) ей не удалось. В то же время выходцы из более образованных семей (т.е. со средним специальным и высшим образованием), принадлежащие к когортам до 1970 г. рождения, были в значительной степени защищены от резкой нисходящей мобильности, которую означало бы для них обретение столь низкого уровня образования. По крайней мере, это риск был существенно ниже, чем для тех, чьи родители в лучшем случае окончили ПТУ или получили полное среднее образование.

Теперь рассмотрим то, как шансы на получение того или иного уровня образования различались между когортами в зависимости от места ранней социализации. Напомним, что для этой цели мы оценивали модель, аналогичную первой (представленной в табл. 2), с той лишь разницей, что допущение о меняющемся эффекте образования родительской семьи в зависимости от когорт заменяется на допущение о меняющемся эффекте места ранней социализации. Остальной набор независимых переменных предикторов не меняется, т.е. в модели по-прежнему контролируется пол респондента, год опроса, принадлежность к когорте и образование родителей (но в этом случае – только как статическая переменная). Параметры соответствующей оценки приводятся в табл. 4.

²⁰ Иллюстрации основаны на результатах симуляции условных вероятностей, содержащихся в табл. 4 приложения Б.

²¹ На рис. 4в линии для выходцев из наименее образованных семей, принадлежащих к когортам старше 1982 г. рождения, обрываются, поскольку наблюдений соответствующих данным параметрам в нашей выборке не оказалось, что, в свою очередь, не позволяет рассчитать статистику средних предельных эффектов (условных ожидаемых вероятностей).

Таблица 4. Результаты мультиномиальной логистической регрессии для модели социальной мобильности с зависимой переменной «образование респондента» и допущением о меняющемся влиянии места ранней социализации в зависимости от когорты

Параметры модели	Образование респондента [отсчётная группа - Высшее или выше]					
	(1) Неполное среднее		(2) Полное среднее или начальное профессиональное		(3) Среднее профессиональное	
Пол [Мужской]						
Женский	.47***	(.04)	.50***	(.03)	.95	(.06)
Год опроса [1994]						
2002	1.56***	(.19)	1.42***	(.14)	1.35***	(.12)
2006	.99	(.13)	1.46***	(.14)	1.07	(.09)
2013	.27***	(.04)	.85	(.09)	1.13	(.10)
Когорта [1916/49]						
1950/59	.40***	(.07)	1.72***	(.30)	1.35*	(.21)
1960/69	.36***	(.07)	2.35***	(.41)	1.64***	(.27)
1970/75	.57**	(.14)	3.04***	(.64)	2.02***	(.39)
1976/81	.74	(.19)	2.74***	(.60)	1.50**	(.31)
1982/96	.93	(.26)	3.44***	(.78)	1.34	(.29)
Место проживания в детстве [Сёла, деревни и ПГТ]						
Города (вкл. обл. центры)	.34***	(.07)	.76	(.16)	.76	(.14)
Москва или Санкт-Петербург	.40**	(.15)	.52*	(.21)	.82	(.23)
Образование родителей [Неполное среднее или ниже]						
Полное среднее или начальное профессиональное	.28***	(.05)	.65**	(.11)	.76*	(.13)
Среднее профессиональное	.07***	(.01)	.22***	(.04)	.48***	(.08)
Высшее или выше	.02***	(.00)	.09***	(.02)	.21***	(.04)
Интерактивные эффекты						
«Города (вкл. обл. центры)» × «1950/59»	1.23	(.34)	.86	(.21)	.97	(.21)
«Москва и Санкт-Петербург» × «1950/59»	.25	(.28)	2.21*	(1.04)	.87	(.33)
«Города (вкл. обл. центры)» × «1960/69»	1.11	(.33)	.79	(.19)	.91	(.19)
«Москва и Санкт-Петербург» × «1960/69»	1.14	(.71)	1.50	(.69)	1.02	(.36)
«Города (вкл. обл. центры)» × «1970/75»	1.62	(.55)	.70	(.19)	.79	(.19)
«Москва и Санкт-Петербург» × «1970/75»	.95	(.71)	1.19	(.60)	.45*	(.19)
«Города (вкл. обл. центры)» × «1976/81»	2.03**	(.69)	.69	(.20)	.87	(.22)
«Москва и Санкт-Петербург» × «1976/81»	.57	(.48)	1.02	(.53)	.56	(.24)
«Города (вкл. обл. центры)» × «1982/96»	1.21	(.49)	.75	(.22)	.91	(.24)
«Москва и Санкт-Петербург» × «1982/96»	2.25	(1.45)	.95	(.50)	.62	(.28)
Константа	13.26***	(2.80)	2.59***	(.54)	2.19***	(.43)

Log-Likelihood = -9,936.6 df = 72 Псевдо- R^2 Макфаддена = .10 N = 8,376

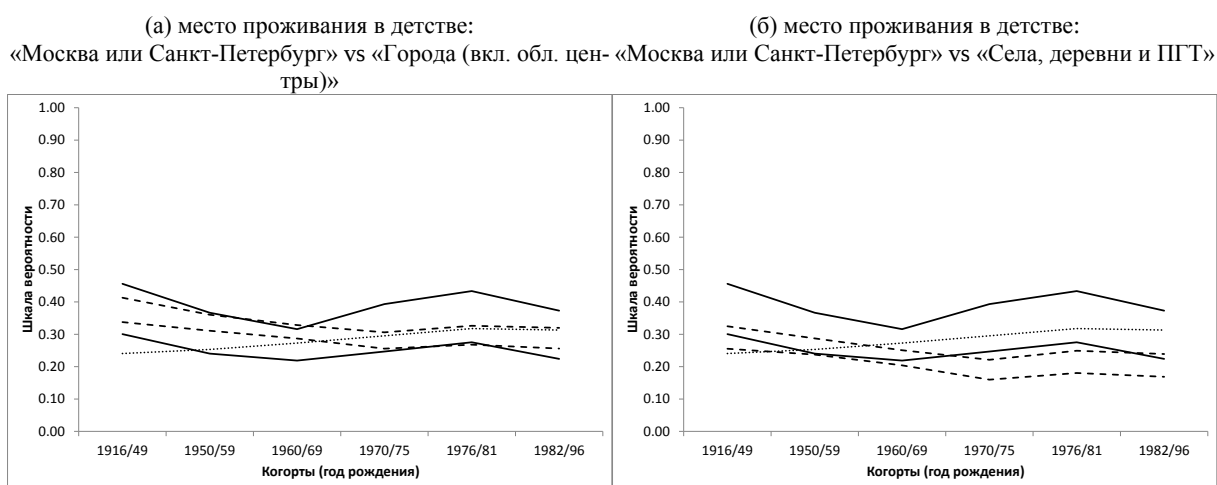
Примечание:

1. Приводятся экспонированные коэффициенты модели (relative risk ratios). В скобках указана стандартная ошибка коэффициентов.
2. Критерии статистической значимости: * – $p < 0.10$; ** – $p < 0.05$; *** – $p < 0.01$.

Впрочем для того, чтобы облегчить интерпретацию результатов моделирования, представленных в табл. 4, мы вновь используем метод графической визуализации ожидаемой условной вероятности по интересующему нас фактору – типам поселения, в которых респонденты проживали в своём школьном возрасте.

Результаты этой визуализации представлены на рис. 5–8. Логика сравнения применяется та же, что в случае с рис. 1–4: мы смотрим на динамику вероятности получить тот или иной уровень образования в зависимости от места ранней социализации и принадлежности к различным когортам и сравниваем её со средней по когорте вероятностью, смоделированную на основе базовой модели, параметры которой приведены в табл. 3.

Сперва вновь рассмотрим шансы на получение высшего образования (рис. 5). Строго говоря, для тех, чья жизнь в школьные годы протекала в Москве и Санкт-Петербурге (или в Ленинграде – в зависимости от когорты), статистический потенциал оценки данной вероятности (или, проще говоря, ширина доверительного интервала) не позволяет быть слишком точным. Однако форма тенденции указывает на то, что эта вероятность снижалась для когорт до 1970 г.р., затем увеличивалась для когорт до 1982 г.р., после чего опять снизилась для самых младших когорт в нашей выборке. При этом для когорт до 1950 г. рождения эта вероятность была существенно выше средней: т.е. для тех, кому повезло провести школьные годы в одной из российских столиц, получить высшее образование было существенно проще, чем среднестатистическому представителю соответствующего поколения.

Пояснения к рисункам:

- 1) средняя вероятность получения высшего образования для представителей соответствующей когорты (*мелкая пунктирная линия*);
- 2) границы вероятности получения высшего образования в том случае, если место проживания: Москва или Санкт-Петербург (*сплошные линии*, 90%-ный доверительный интервал);
- 3) границы вероятности получения высшего образования в том случае, если место проживания: как указано в индексе к рисунку (*крупные пунктирные линии*, 90%-ный доверительный интервал)

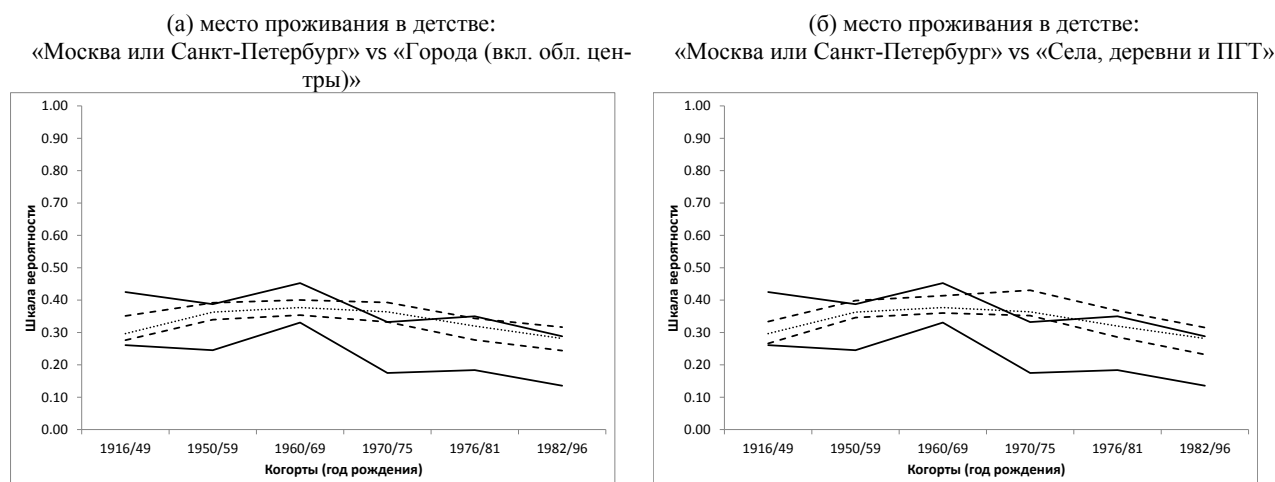
Рис. 5. Вероятность получения высшего образования в зависимости от места ранней социализации и в разрезе когорт²²

Но в целом хотелось бы отметить, что представленная на рис. 5 зигзагообразная тенденция удивительно повторяет ту, которую мы ранее отметили в отношении шансов на получение высшего образования для выходцев из наиболее образованных семей. Напомним, что изображённый на рис. 5 (а также рис. 6–8 далее) вклад территориального контекста социализации в вероятность получить рассматриваемый уровень образования следует рассматривать как независимый от уровня образования родителей (так как последний мы контролируем в нашей модели статистическими методами).

²² Иллюстрации основаны на результатах симуляции условных вероятностей, содержащихся в табл. 1 приложения Б.

По-своему интересную динамику демонстрируют шансы на получение высшего образования для выходцев из простых городов и сельской местности (кроме того, статистическая оценка соответствующей вероятности для этих групп является более состоятельной). По крайней мере, для когорт, родившихся до 1976 г., эти шансы снижались при том, что общая доля людей с высшим образованием, наоборот увеличивалась. Другими словами, несмотря на в целом растущие возможности, обеспечивавшиеся общим расширением высшего образования, доступ к этим возможностям для указанных групп постепенно сокращался, причём настолько, что выходцы из сельской местности оказались в числе наиболее ущемлённых. Также видно, что эта тенденция более или менее стабилизировалась для более поздних, в том числе постсоветских когорт.

Рисунок 6, содержащий иллюстрации для претендентов на среднее специальное образование, не содержит никаких неожиданностей. Территориальный аспект социальной дифференциации в доступе к соответствующей ступени образования оставался выраженным крайне слабо на протяжении всего рассматриваемого исторического периода. Несколько необычное поведение тенденции для тех, кто получал школьное образование в российских столицах, опять следует интерпретировать с большой осторожностью, поскольку доверительный интервал для соответствующих оценок свидетельствует об их крайне низкой точности.

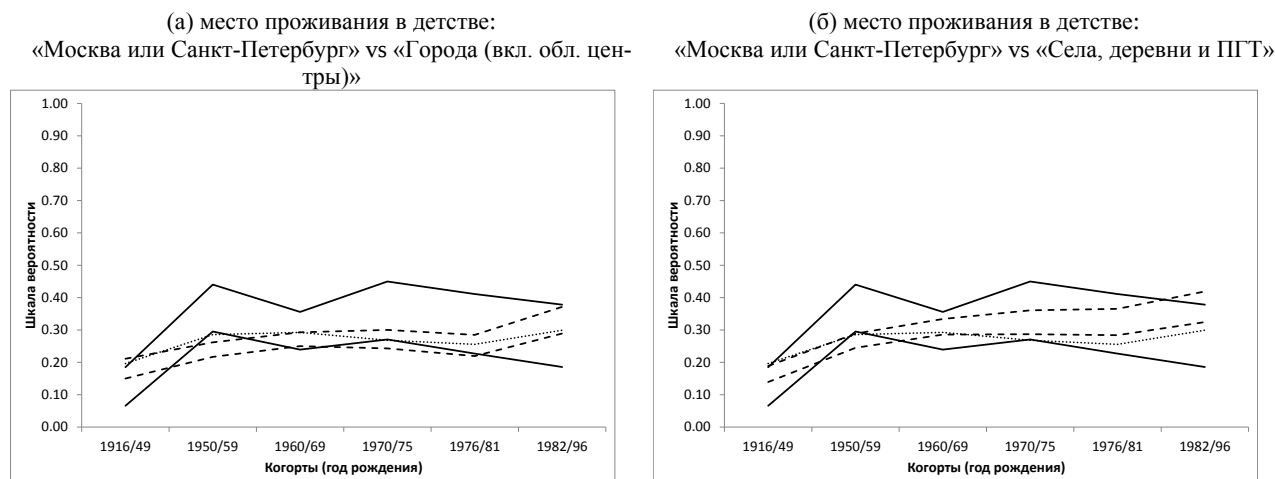
Пояснения к рисункам:

- 1) средняя вероятность получения среднего профессионального образования для представителей соответствующей когорты (мелкая пунктирная линия);
- 2) границы вероятности получения среднего профессионального образования в том случае, если место проживания: Москва или Санкт-Петербург (сплошные линии, 90%-ный доверительный интервал);
- 3) границы вероятности получения среднего профессионального образования в том случае, если место проживания: как указано в индексе к рисунку (крупные пунктирные линии, 90%-ный доверительный интервал)

Рис. 6. Вероятность получения среднего профессионального образования в зависимости от места ранней социализации и в разрезе когорт²³

²³ Иллюстрации основаны на результатах симуляции условных вероятностей, содержащихся в табл. 2 приложения Б.

В каком-то смысле аналогичная рис. 6 ситуация прослеживается в отношении рис. 7, с тем лишь отличием, что шансы получить начальное профессиональное образование (или образование не выше полного среднего) всё же несколько превышают среднестатистические для когорт старше 1970 г. рождения.

Пояснения к рисункам:

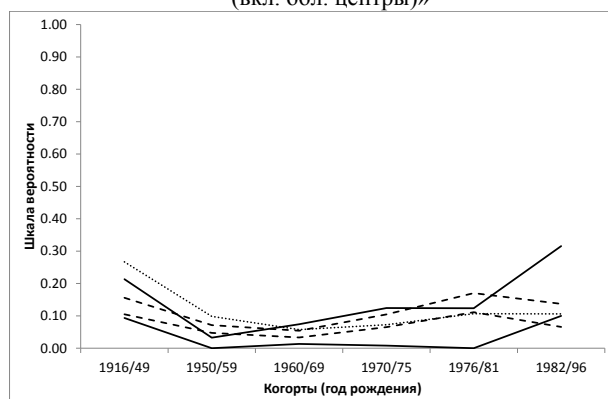
- 1) средняя вероятность получения полного среднего или начального профессионального образования для представителей соответствующей когорты (мелкая пунктирная линия);
- 2) границы вероятности получения полного среднего или начального профессионального образования в том случае, если место проживания: Москва или Санкт-Петербург (сплошные линии, 90%-ный доверительный интервал);
- 3) границы вероятности получения полного среднего или начального профессионального образования в том случае, если место проживания: как указано в индексе к рисунку (крупные пунктирные линии, 90%-ный доверительный интервал)

Рис. 7. Вероятность получения полного среднего или начального профессионального образования в зависимости от места ранней социализации и в разрезе когорт²⁴

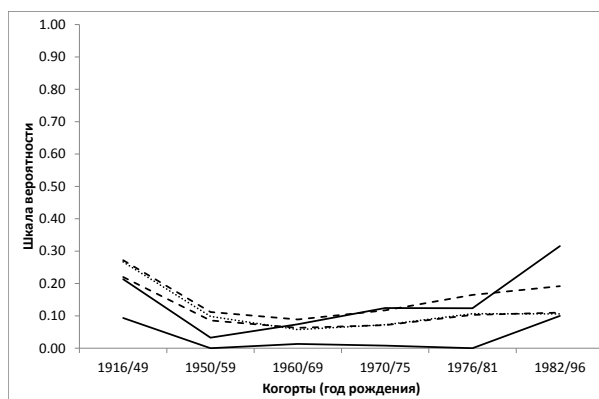
Результаты, представленные на рис. 8, интересны, по крайней мере, в одном отношении. Среди самых старших когорт (для которых в целом, как мы заметили, отсутствие какого-либо профессионального образования было наиболее вероятным) место ранней социализации всё же играло большую роль в отношении распределения соответствующих рисков. Наибольшие шансы остаться без профессионального образования имели выходцы из сельской местности и, наоборот, наименьшие – те, кому повезло получить школьное образование в городах.

²⁴ Иллюстрации основаны на результатах симуляции условных вероятностей, содержащихся в табл. 3 приложения Б.

(а) место проживания в детстве:
«Москва или Санкт-Петербург» vs «Города
(вкл. обл. центры)»

(б) место проживания в детстве:
«Москва или Санкт-Петербург» vs «Села, деревни и ПГТ»

Пояснения к рисункам:

- 1) средняя вероятность получения полного среднего или начального профессионального образования для представителей соответствующей когорты (*мелкая пунктирная линия*);
- 2) границы вероятности получения полного среднего или начального профессионального образования в том случае, если место проживания: Москва или Санкт-Петербург (*сплошные линии*, 90%-ный доверительный интервал);
- 3) границы вероятности получения полного среднего или начального профессионального образования в том случае, если место проживания: как указано в индексе к рисунку (*крупные пунктирные линии*, 90%-ный доверительный интервал)

Рис. 8. Вероятность получения полного среднего или начального профессионального образования в зависимости от места ранней социализации и в разрезе когорт²⁵

При всей неоднозначности некоторых представленных выше иллюстраций, на наш взгляд, в них всё же прослеживается ряд общих закономерностей, на основе которых можно попытаться собрать более цельную картину. Так, наиболее высокий уровень наследования социальных преимуществ, обусловленных образовательным статусом родительской семьи и проживанием в более развитых городских поселениях, как это ни странно, характерен для самых старших поколений, родившихся до 1950 г., т.е. получавших образование и включавшихся в трудовую деятельность приблизительно до 1970-х гг. (т.е. преимущественно в «сталинский» и «хрущёвский» периоды). Некоторое ослабление в степени этой обусловленности характерно для более поздних когорт, причём наиболее открытым режим социальной мобильности, судя по всему, был в последние годы советской власти (т.е. в 1980-е годы). Заметим, что эти результаты в некоторой степени противоречат доминирующим представлениям относительно режима социальной мобильности в советский и, в особенности, позднесоветский период, включая оценки различных учёных, так или иначе обращавшихся к данному вопросу (см., например, [Яковлев 2012] или наши собственные работы: [Шкаратан, Ястребов 2011]. Тем не менее для тех, кто выходил на рынок труда в постсоветское время, фактор социального контекста ранней социализации с точки зрения дальнейших жизненных шансов вновь стал усиливаться, что в значительной степени согласуется с известными сегодня фак-

²⁵ Иллюстрации основаны на результатах симуляции условных вероятностей, содержащихся в табл. 4 приложения Б.

тами, установленными как нами самими, так и нашими коллегами [Gerber, Hout 2004; Шкаратан, Ястребов 2011]. Но, пожалуй, самым неожиданным (и не задокументированным ни в одном из известных нам на сегодняшний день исследований [Gerber, Hout 2004; Roschina 2012; Козырева 2012]) является то, что консервативные тенденции в режиме социальной мобильности носили непостоянный (как это принято считать) характер: наиболее молодым когортам (1982–1996 гг. рождения), оканчивавшим образование и выходявшим на рынок труда в годы послереформенного восстановления, свойственен более открытый характер социальных перемещений.

Социальная мобильность по социально-профессиональному статусу

С одной стороны, чтобы проверить, не являются ли полученные выше результаты статистическим артефактом, а, с другой, чтобы рассмотреть процессы социальной мобильности в несколько ином концептуальном ракурсе, мы трансформируем нашу исходную модель. Теперь в качестве результирующей точки социальной траектории индивида нами рассматривается его/её социально-профессиональный статус, операционализация которого достаточно подробно рассмотрена в методологическом разделе данной работы. Однако, предполагая, что социально-профессиональный статус (или, сильно упрощая, положение на рынке труда) является в том числе функцией от полученного индивидом образования, в представленных ниже моделях мы будем рассматривать текущий уровень образования в качестве самостоятельного независимого фактора. Кроме того, мы дополнительно контролируем возраст респондентов, поскольку для обретения некоторых из рассматриваемых нами социально-профессиональных позиций требуется наличие значительного профессионального стажа или опыта работы. В любом случае хотим подчеркнуть, что мы смотрим на то, как социальный контекст ранней социализации потенциально влияет (или не влияет) на социально-профессиональные траектории россиян *помимо* уже обрётённого ими человеческого и культурного капиталов, т.е. сверх уже выявленной социальной дифференциации в образовательных траекториях (в каком-то смысле это означает, что мы используем более строгие критерии для проверки наших гипотез о социальной (не-)мобильности).

Кроме того, здесь мы используем компактную версию группировки респондентов по возрастным когортам для искусственного снижения количества степеней свободы в моделях с целью увеличения их статистического потенциала (см. методологический раздел). В данном случае мы выделяем только три таких группы: 1) родившиеся с 1916 по 1959 г. (условно – среднесоветское поколение); 2) с 1959 по 1975 г. (условно – позднесоветское поколение); 3) с 1976 по 1996 г. (условно – постсоветское поколение).

Как и в предыдущем случае оценка взаимосвязей производится с помощью мультиномиальных логистических регрессионных моделей. Полные результаты оценки представлены в табл. 5. Параметры базовой модели, которая задаёт точки для всех последующих сравнений – вероятность обретения соответствующего социально-профессионального статуса для среднестатистического индивида в когорте – представлены в табл. 6.

Таблица 5. Результаты мультиномиальной логистической регрессии для модели социальной мобильности с зависимой переменной «социально-профессиональный статус респондента» и допущением о меняющемся влиянии родительского статуса в зависимости от когорты

Параметры модели	Статус респондента [отсчётная группа – (6) Квалифицированные рабочие]							
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(7)	(8)	
Пол [Мужской] Женский	2.41***	(.26)	7.88***	(.78)	2.01***	(.20)	10.06***	(.89)
Возраст (лет)	1.02**	(.01)	1.03***	(.01)	1.00	(.01)	0.99	(0.01)
Год опроса [1994]								
2002	.66**	(.10)	.79*	(.11)	1.21	(.18)	1.03	(.13)
2006	.52***	(.08)	.61***	(.09)	1.16	(.18)	.84	(.11)
2013	.40***	(.08)	.57***	(.11)	.91	(.18)	1.08	(.18)
Когорта [1916/59]								
1959/75	1.31	(0.83)	1.64	(.75)	.63	(.32)	.37*	(.20)
1976/96	6.11	(7.75)	3.11	(4.04)	.00	(.00)	.80	(.99)
Образование респондента [Неполное сред. или ниже]								
Полное среднее или нач. проф.	1.59*	(.45)	2.38*	(1.10)	1.97***	(.48)	2.01***	(.43)
Среднее профессиональное	3.66***	(.99)	23.46***	(10.01)	6.24***	(1.45)	7.39***	(1.52)
Высшее или выше	47.83***	(13.27)	>100***	(>100)	28.32***	(7.12)	28.98***	(6.59)
Образование родителей [Неполное сред. или ниже]								
Полное среднее или нач. проф.	1.40	(.46)	1.19	(.30)	1.27	(.32)	1.50*	(.35)
Среднее профессиональное	2.64***	(.94)	1.42	(.40)	1.49	(.43)	2.37***	(.62)
Высшее или выше	3.25***	(1.20)	1.91**	(.57)	1.29	(.41)	1.99**	(.58)
Интерактивные эффекты (образование родителей)								
«Полн. ср. или нач. проф.» × «1959/75»	1.07	(.69)	.60	(.28)	1.43	(.74)	2.04	(1.12)
«Ср. проф.» × «1959/75»	.57	(.38)	.59	(.29)	1.31	(.71)	1.80	(1.02)
«Высшее или выше» × «1959/75»	1.03	(.68)	.92	(.45)	1.76	(.99)	3.43**	(2.00)
«Полн. ср. или нач. проф.» × «1976/96»	.11*	(.15)	.41	(.54)	>100	(>100)	.90	(1.11)
«Ср. проф.» × «1976/96»	.11*	(.13)	.37	(.48)	>100	(>100)	.96	(1.19)
«Высшее или выше» × «1976/96»	.27	(.34)	.49	(.64)	>100	(>100)	2.06	(2.56)
Константа	.04***	(.01)	.00***	(.00)	.03***	(.02)	.04***	(.02)
	(5)	(7)	(8)					
Пол [Мужской] Женский	31.15***	(4.48)	3.82***	(0.32)	39.22***	(6.91)		
Возраст (лет)	.97***	(0.01)	1.01	(.01)	0.98**	(.01)		
Год опроса [1994]								
2002	1.71***	(.29)	1.18	(.14)	1.93***	(.36)		
2006	1.55**	(.28)	.91	(.12)	1.32	(.27)		
2013	2.43***	(.55)	1.15	(.18)	1.10	(.29)		
Когорта [1916/59]								
1959/75	.56	(.27)	.83	(.26)	1.20	(.90)		
1976/96	.90	(.94)	1.33	(1.12)	3.34	(4.43)		
Образование респондента [Неполное сред. или ниже]								
Полное среднее или нач. проф.	1.16	(.21)	.63***	(.06)	.61**	(.12)		
Среднее профессиональное	1.43*	(.27)	.49***	(.15)	.84	(.16)		
Высшее или выше	3.40***	(.77)	.81	(.14)	2.47***	(.57)		
Образование родителей [Неполное сред. или ниже]								
Полное среднее или нач. проф.	1.04	(.27)	.89	(.14)	2.26*	(.96)		

Среднее профессиональное	1.29	(.40)	.71	(.20)	3.57***	(1.68)
Высшее или выше	.92	(.35)	.93	(.20)	3.45***	(1.77)
Интерактивные эффекты (образование родителей)						
«Полн. ср. или нач. проф.» × «1959/75»	1.23	(.61)	.93	(.30)	.87	(.66)
«Ср. проф.» × «1959/75»	1.42	(.75)	1.08	(.39)	.74	(.58)
«Высшее или выше» × «1959/75»	2.23	(1.30)	1.55	(.64)	1.47	(1.20)
«Полн. ср. или нач. проф.» × «1976/96»	.75	(.78)	.89	(.75)	.66	(.86)
«Ср. проф.» × «1976/96»	.69	(.72)	.79	(.67)	.30	(.40)
«Высшее или выше» × «1976/96»	1.14	(1.21)	.95	(.83)	.50	(.67)
Константа	0.07***	(0.04)	0.39**	(0.15)	0.01***	(0.01)

Log-Likelihood = -12,455.8 $df = 133$ Псевдо- R^2 Макфаддена = .18 $N = 7,779$

Примечание:

1. Расшифровка исходов модели: (1) – Предприниматели + управляющие и профессионалы высшего ранга; (2) – Управляющие и профессионалы среднего ранга; (3) – Управляющие низшего ранга + высококвалифицированные рабочие; (4) – Полупрофессионалы (на должностях, треб. ср. спец. образования); (5) – Работники рутинного нефизического труда; (7) – Не- и полуквалифицированные рабочие; (8) – Домохозяйки, самозанятые и фрилансеры.

2. Приводятся экспонированные коэффициенты модели (relative risk ratios). В скобках указана стандартная ошибка коэффициентов.

3. Критерии статистической значимости: * – $p < 0.10$; ** – $p < 0.05$; *** – $p < 0.01$.

Таблица 6. Результаты мультиномиальной логистической регрессии для базовой модели с зависимой переменной «социально-профессиональный статус респондента» (простое моделирование структуры когорт по социально-профессиональному статусу)

Параметры модели	Статус респондента [отсчётная группа – (6) Квалифицированные рабочие]							
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(7)	(8)	
Год опроса [1994]								
2002	.71***	.71***	.83*	(.09)	1.21	(.16)	.94	(.10)
2006	.63***	.63***	.75***	(.08)	1.12	(.15)	.72***	(.07)
2013	.69***	.69***	1.13	(.13)	1.12	(.16)	1.04	(.11)
Когорта [1916/59]								
1959/75	1.08	(.11)	.87*	(.07)	1.03	(.10)	1.15*	(.09)
1976/96	.81	(.12)	.64***	(.07)	.70***	(.09)	1.40***	(.14)
Константа	.35***	(.03)	.62***	(.05)	.29***	(.03)	.59***	(.05)
Год опроса [1994]								
2002	1.32*	(.19)	1.09	(.12)	1.61***	(.26)		
2006	1.01	(.14)	.82*	(.09)	.95	(.16)		
2013	1.36**	(.20)	1.13	(.13)	.73*	(.14)		
Когорта [1916/59]								
1959/75	1.31**	(.14)	.70***	(.06)	1.65***	(.21)		
1976/96	1.66***	(.21)	.77**	(.08)	2.56***	(.37)		
Константа	.20***	(.02)	.57***	(.05)	.12***	(.02)		

Log-Likelihood = -16,086.5 $df = 35$ Псевдо- R^2 Макфаддена = .01 $N = 8,320$

Примечание:

1. Расшифровка исходов модели: (1) – Предприниматели + управляющие и профессионалы высшего ранга; (2) – Управляющие и профессионалы среднего ранга; (3) – Управляющие низшего ранга + высококвалифицированные рабочие; (4) – Полупрофессионалы (на должностях, треб. ср. спец. образования); (5) – Работники рутинного нефизического труда; (7) – Не- и полуквалифицированные рабочие; (8) – Домохозяйки, самозанятые и фрилансеры.

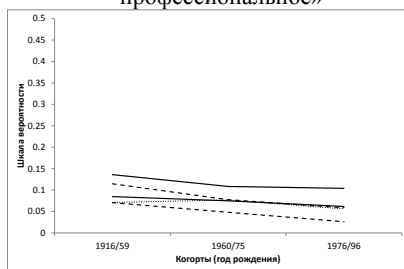
2. Приводятся экспонированные коэффициенты модели (relative risk ratios). В скобках указана стандартная ошибка коэффициентов.

3. Критерии статистической значимости: * – $p < 0.10$; ** – $p < 0.05$; *** – $p < 0.01$.

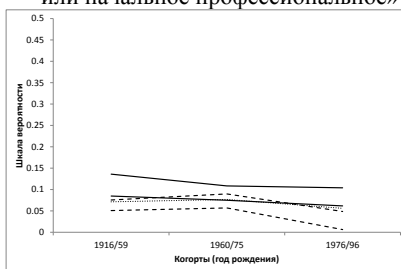
Графическая интерпретация результатов моделирования, представленных в табл. 5 и 6, содержится на рис. 9. Рассмотрим эти результаты в соответствующем порядке.

Предприниматели + управляющие и профессионалы высшего ранга

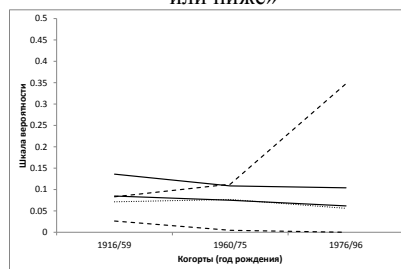
(а) образование родителей:
«высшее и выше» vs «среднее профессиональное»

(б) образование родителей:
«высшее и выше» vs «полное среднее или начальное профессиональное»

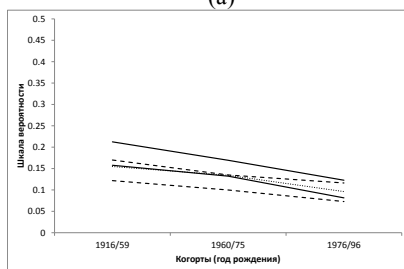

(в) образование родителей
«высшее и выше» vs «неполное среднее или ниже»

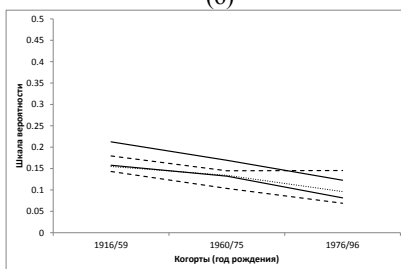

Управляющие и профессионалы среднего ранга

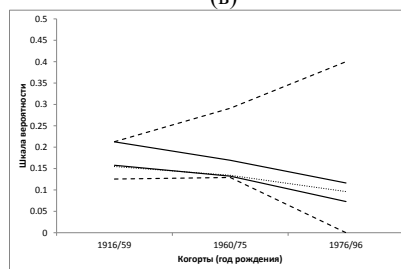
(а)

(б)

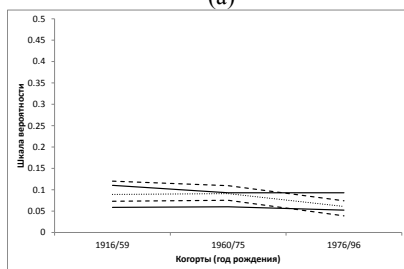

(в)

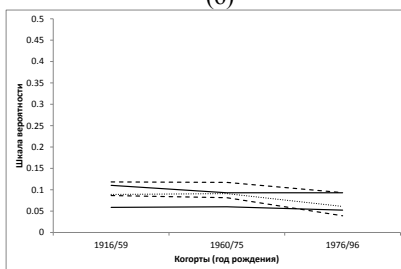

Управляющие низшего ранга + высококвалифицированные рабочие

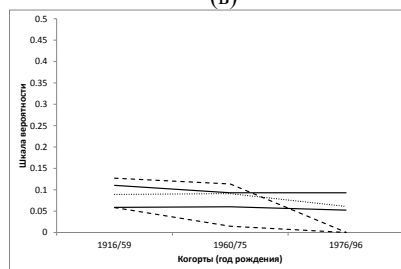
(а)

(б)

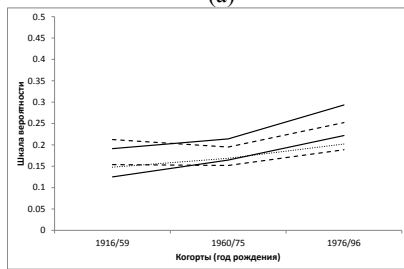

(в)

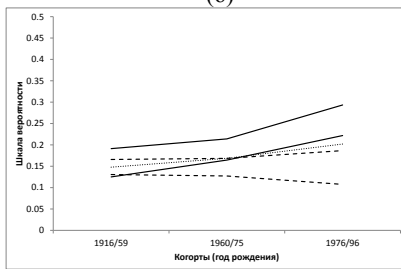

Полупрофессионалы (на должностях, треб. ср. спец. образования)

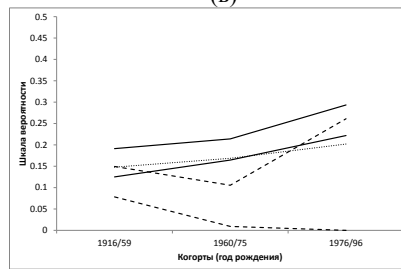
(а)

(б)

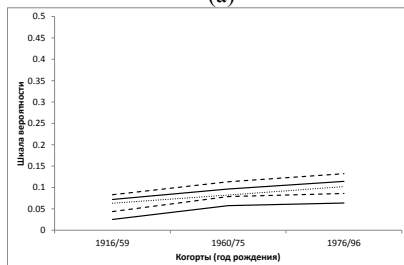

(в)

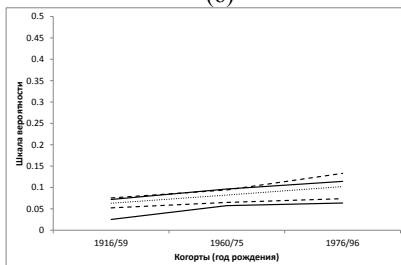

Работники рутинного нефизического труда

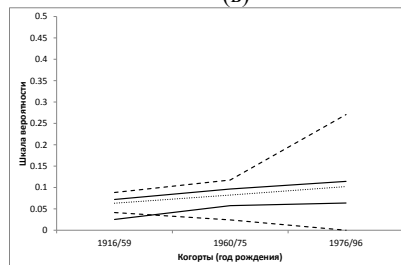
(а)

(б)

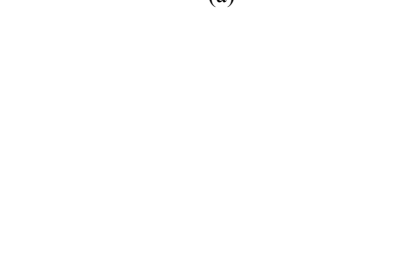

(в)

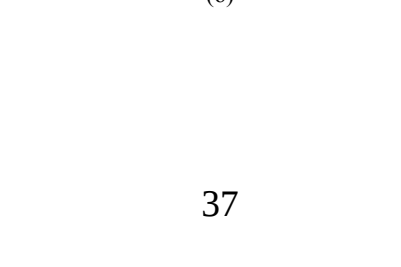

Квалифицированные рабочие

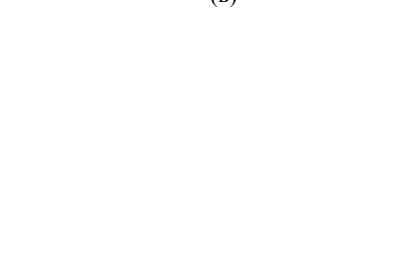
(а)

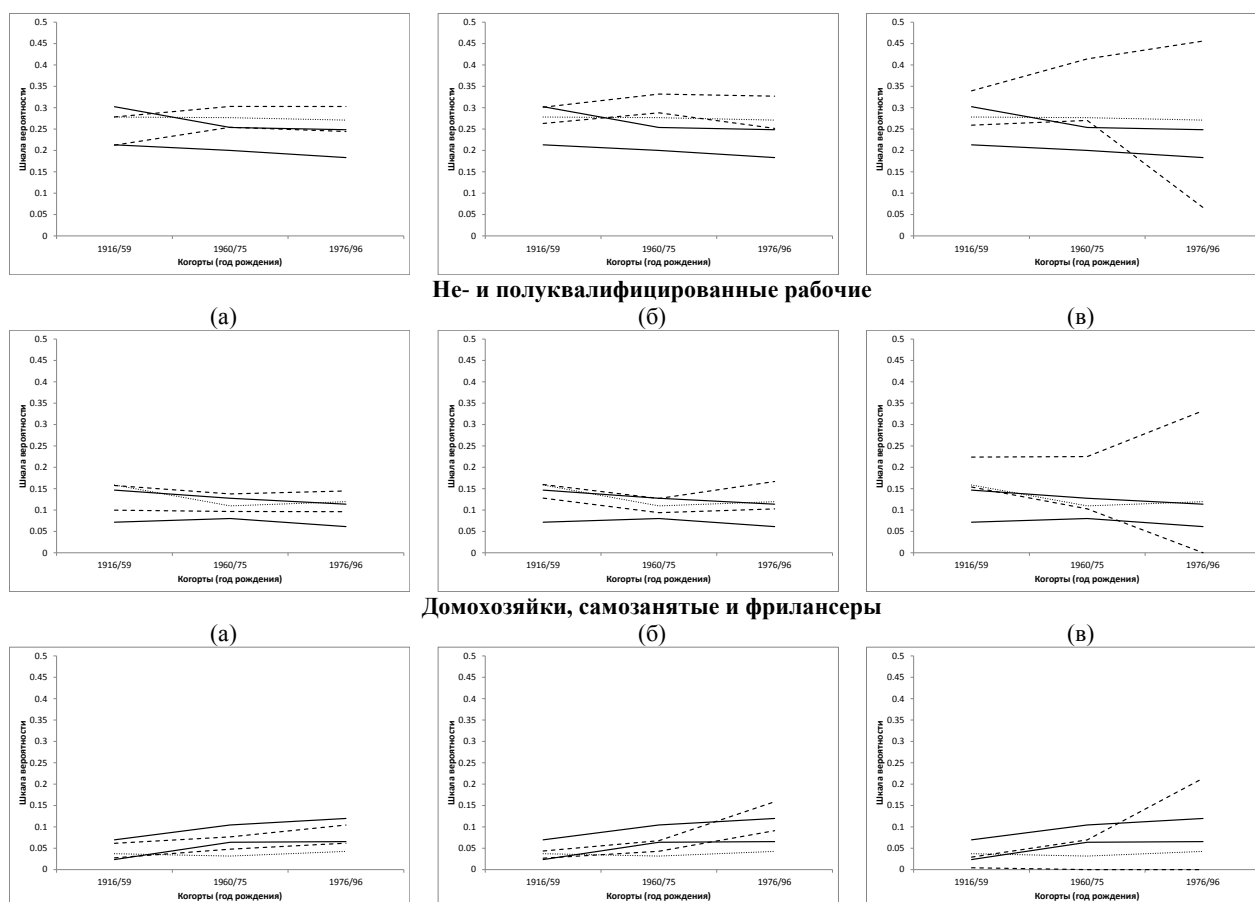

(б)

(в)

Пояснения к рисункам:

- 1) средняя вероятность обретения соответствующего социально-профессионального статуса для представителей соответствующей когорты (*мелкая пунктирная линия*);
- 2) границы вероятности обретения соответствующего социально-профессионального статуса в том случае, если уровень образования родителей: высшее или высшее (*сплошные линии, 90%-ный доверительный интервал*);
- 3) границы вероятности обретения соответствующего социально-профессионального статуса в том случае, если уровень образования родителей: как указан в индексе к рисунку (*крупные пунктирные линии, 90%-ный доверительный интервал*)

Рис. 9. Вероятность обретения различных социально-профессиональных статусов в зависимости от уровня образования родителей и в разрезе когорт²⁶

Условно наивысшую точку в рассматриваемой нами социально-профессиональной иерархии занимает группа, объединяющая в себе различных предпринимателей, собственников руководителей высшего ранга (уровня директоров и заместителей директоров крупных предприятий), а также профессионалов, точнее высококвалифицированных работников умственного труда. Напомним, что укрупнение некоторых социально-профессиональных групп (в данном случае – три) является своеобразным компромиссом между ограничением, которое, как уже было сказано, в какой-то степени накладывает используемая нами процедура статистического моделирования²⁷ – с одной стороны, а с другой – определёнными теоретиче-

²⁶ Иллюстрации основаны на результатах симуляции условных вероятностей, содержащихся в табл. 5 приложения Б.

²⁷ Использование более подробной развёртки социально-профессиональной шкалы, как впрочем и группировки возрастных когорт, приводит к тому, что максимизация функции максимального правдоподобия не приводит к удовлетворительным результатам (функция не является вогнутой). По этой же причине мы ис-

скими предпосылками, позволяющими свести эти (и другие) группы вместе (конкретно: высокая концентрация экономического, властного/административного и/или человеческого капиталов).

Несложно убедиться в том, что никаких серьёзных различий в том, из каких когорт «рекрутируется» соответствующая группа, нет – для респондентов всех возрастов вероятность попасть в эту группу практически одинакова. С другой стороны, в том, что касается социального происхождения (выраженного через образовательный статус родительской семьи), мы также не наблюдаем каких-либо кардинальных различий – по крайней мере, выходцы из более образованных семей имеют ненамного более высокие шансы вхождения в данную группу по сравнению с выходцами из менее образованных семей. Впрочем ещё раз подчеркнём, что, рассматривая данные иллюстрации, мы предполагаем, что возможная передача социальных преимуществ от одного поколения к другому через уровень образования уже учтена (см. спецификацию наших моделей), и следовательно речь идёт о дополнительном (т.е. сверх-) влиянии родительского образовательного статуса. Таким образом, даже небольшой эффект социальных различий всё же следует воспринимать как свидетельство усиленного социального воспроизводства. Тем не менее следует признать, что динамика в разрезе трёх рассматриваемых когорт не демонстрирует сколько-нибудь отчётливой закономерности. Чуть более выраженный градиент социальных различий, возможно, характерен для постсоветских когорт (если не принимать во внимание оценки для выходцев из самых необразованных социальных групп, которые как в предыдущем разделе анализа имеют чрезвычайно низкий статистический потенциал), однако частично перекрывающиеся границы доверительных интервалов не позволяют говорить об этом с полной уверенностью.

В отношении второй группы – управляющих и профессионалов среднего ранга, в каком-то смысле потенциально образующих ядро т.н. «старого «нового среднего класса»²⁸ (и состоящих из таких категорий занятых, как врачи, учителя, инженеры промышленных предприятий и менеджеры небольших трудовых коллективов) – можно констатировать присутствие некоторых значимых различий для самых старших когорт с его последующим ослаблением в самых младших, постсоветских. Здесь впрочем, как и в предыдущем случае, в силу слабых статистических отличий едва ли можно говорить о ярко выраженной закономерности. Закономерное снижение средней вероятности обретения соответствующего социально-профессионального статуса в зависимости от когорт, по всей видимости, свидетельст-

ключили из анализа тех, кто на момент опроса не занимался никакой экономической деятельностью (преимущественно безработные и пенсионеры).

²⁸ См., в частности [Любимова и др. 2008; Иняевский, Шкаратан 2007].

вует о высокой роли возрастных различий и профессионального стажа для закрепления статуса в соответствующей группе занятий.

Никакой существенной разницы не наблюдается в социальном происхождении тех, кто относится к управляющим низшего ранга и высококвалифицированным рабочим (эта группа преимущественно представлена бригадирами, прорабами и прочими работниками т.п. должностей).

Довольно любопытными, на наш взгляд, являются иллюстрации, относящиеся к группе т.н. полупрофессионалов, а точнее работников квалифицированного нефизического труда, занятых на должностях, требующих среднего специального образования. Данная группа объединяет в себе массовые профессии служащих и специалистов, таких как, например, сотрудники бухгалтерий, отделов кадров и т.п. На современном жаргоне этот класс работников иногда именуют «офисный планктон»²⁹. В любом случае важно, что исполнение соответствующих указанным типам занятий функций предъявляет умеренные требования к квалификации и не связано с интеллектуально сложной деятельностью (как в случае с профессионалами более высокого ранга, см. выше). В целом представленность данной социально-профессиональной группы является максимальной для старших поколений, и минимальной – для младших. Это также может быть связано с различиями в стаже и опыте работе – обстоятельство, которое мы контролируем в нашей расширенной модели (табл. 5) с помощью отдельной переменной «возраст». Но мы также не исключаем, что соответствующие виды занятости, представляющие собой часть растущего сервисного сектора экономики, действительно в первую очередь насыщаются за счёт более динамичной и более восприимчивой к изменениям части общества – молодёжи.

Образовательный статус родительской семьи, как мы видим, практически не влияет на выбор указанной социально-профессиональной траектории среди представителей старших поколений (до 1960 г. рождения). Однако расхождения усиливаются для более поздних когорт. Более того, существенно выше шансы закрепиться в данном социально-профессиональном статусе у выходцев из наиболее образованных семей. Это также согласуется с выше озвученной интерпретацией: более высокая конкуренция за соответствующие места в социально-профессиональной структуре среди представителей молодых поколений актуализирует потребность в ресурсах, которые потенциально обеспечивают дополнительные преимущества для закрепления в соответствующем статусе. Таким образом, по крайней мере в этом аспекте мы наблюдаем некоторое усиление статусного воспроизводства.

²⁹ В последнее время не пренебрегают этим термином и некоторые профессиональные исследователи, см., например, [Олейник 2011].

Интересно сравнить выше рассмотренную иллюстрацию со следующей – отрядом работников рутинного нефизического труда. Типичными (и также наиболее массовыми, согласно данным наших опросов) представителями этих отрядов являются, например, продавцы магазинов розничной торговли. Социальный престиж (равно как и уровень материального вознаграждения – в большинстве случаев), связанный с пребыванием в составе данной социально-профессиональной группы, очевидно, ниже, чем в предыдущем случае. Однако при том, что тенденция к конкуренции за соответствующие места в социально-профессиональной структуре также усиливается для среди представителей более молодых поколений, социальные различия (по образованию родителей) не играют практически никакой роли в отношении вероятности обретения данного статуса ни по одной из рассмотренных когорт.

Некоторое усиление консервативных тенденций в режиме социальной мобильности заметно в отношении квалифицированных рабочих (или, точнее, работников квалифицированного преимущественно физического труда). Так, судя по результатам анализа, среди самых старших поколений (до 1960 г. рождения), характеристики родительской семьи дополнительно практически не влияют на шансы стать квалифицированным рабочим (или рабочей). Но различия тем не менее усиливаются для более младших когорт и удерживаются для самых младших – постсоветских (при том что средняя вероятность обретения соответствующего статуса никак не связана с принадлежностью к тому или иному поколению). Выходцы из более образованных семей существенно меньше представлены в данной группе, начиная с когорт младше 1961 г. рождения, и таким образом отмеченное увеличение предсказуемости социальных перемещений свидетельствует, скорее, в пользу снижения социальной мобильности.

Несколько удивительно то, что никаких чётких закономерностей не прослеживается в отношении одной из наименее престижных в нашем перечне социально-профессиональных групп – не- и полуквалифицированных рабочих. Как видно, в большинстве случаев выходцы из семей с различным образовательным статусом при прочих равных имеют примерно одинаковые вероятности попасть данную группу. Исключение составляет лишь заметный для когорт старше 1960 г. рождения контраст между семьями с самым высоким и самым низким образовательным статусом («высшее или выше» vs «неполное среднее»), однако с учётом ранее озвученной малочисленности соответствующей категории респондентов в наших опросах, мы не можем утверждать что-либо похожее в отношении более младших поколений.

Наконец, последняя градация в нашей социально-профессиональной шкале представлена несколько эклектичной группой, объединяющей в себе различных самозанятых – работников, осуществляющих экономическую деятельность, но не работающих по найму и не извлекающих доход из собственности или использования чужого труда. Для этой группы ха-

рактенно двойственное положение в системе современных социально-экономических отношений, поскольку, с одной стороны, её представители располагают значительной автономией в организации собственного труда, но, с другой, в ряде случаев эта автономия является вынужденной. Так, например, для лиц, занимающихся домашним хозяйством, возможность заниматься соответствующей экономической деятельностью зачастую обусловлена социально-профессиональным статусом других членов домохозяйства. В других случаях, самозанятость вовсе может быть способом выживания в отсутствие доступных возможностей на рынке труда. Однако есть и третий, т.н. постиндустриальный тип самозанятости [Florida 2002; по России: *Стребков, Шевчук* 2010], получающий всё большее распространение среди людей, занимающихся отдельными видами умственной и творческой деятельности, и являющийся в значительной степени добровольным выбором. Тем не менее мы вынуждены признать, что методология кодирования открытых вопросов о роде деятельности респондентов в наших опросах, не позволяет провести чёткие различия в характере самозанятости³⁰, в связи с чем представленные здесь результаты следует интерпретировать с большой осторожностью.

Переход в статус самозанятых, с одной стороны, характерен для выходцев из наиболее образованных семей (причём это свойство характерно для когорт младше 1960 г. рождения), а с другой – среди представителей самых молодых когорт, чьи родители не получили образования выше начального профессионального или полного среднего. Мы полагаем, что первый случай следует интерпретировать в рамках озвученной выше гипотезы о постиндустриальном характере самостоятельной экономической активности и более консервативной гипотезы о возможности ухода в домашнее хозяйство. Преимущества социального происхождения, вероятно, реализуются здесь в форме наследуемой от родителей склонности к соответствующим типам деятельности (творческой и/или умственной) или соответствующие семейные ролевые модели. Второй случай представляется возможным интерпретировать в рамках гипотезы о вынужденной занятости, как занятости носящей временный характер без возможности устройства на постоянную оплачиваемую работу. Риск оказаться в таком положении может дополнительно увеличиваться в ситуации дефицита социального и культурного капиталов, маркером которых может быть образовательный статус родительской семьи [Очкина 2010]. Однако в любом случае без дополнительного глубокого анализа различий в рассмотренных формах занятости (который по объективным причинам на материалах наших

³⁰ При кодировании открытых вопросов мы полагались на ответы респондентов, однако не во всех случаях эти ответы были достаточно полными для того, чтобы чётко идентифицировать реальный статус их занятости. Мы исходили из предположения, что, отвечая на вопрос о роде занятий, респондент самостоятельно определяет значимость тех или иных характеристик своей деятельности, что служило для кодировщиков основным критерием присвоения ему/ей соответствующего кода классификации.

опросов мы осуществить не можем), мы вряд ли можем констатировать что-либо определённое в отношении режима социальной мобильности и оставляем этот сюжет для будущих исследований.

Подводя черту под выше представленным анализом траекторий социальной мобильности в разрезе «образование родителей → текущий социально-профессиональный статус», можно сказать следующее. В отличие от мобильности по уровню образования, где градиент различий по обстоятельствам ранней социализации оказался заметно более выраженным практически для всех рассмотренных когорт, социально-профессиональные траектории в целом слабо связаны с образовательным статусом семьи. Однако судя по тому, как процессы мобильности развивались в условной исторической динамике, т.е. в разрезе выделенных нами когорт, есть основания полагать, что для постсоветских поколений фактор семьи всё же несколько усилил своё влияние по сравнению с поколениями, проходившими социализацию в советскую эпоху. Таким образом, ситуационное усиление образовательной мобильности, ранее выявленное нами в отношении самых младших когорт (с 1982 г. рождения), и которое в целом можно рассматривать как довольно позитивную тенденцию, на самом деле частично «компенсируется» кристаллизацией социальных различий по социально-профессиональному положению (т.е. несмотря на то, что доступ к более высоким ступеням образования всё же стал относительно более открытым, преимущества социального происхождения находят способы реализовать себя через другие возможные «маршруты» на пути к положению в социальной структуре – например, рынок труда). Отметим, что эта противоречивая тенденция в целом подкрепляется оценками, полученными некоторыми нашими предшественниками [Gerber, Hout 2004].

Заключение

В данной работе мы ставили перед собой задачу рассмотреть процессы социальной мобильности в российском обществе и представить количественные оценки этой мобильности. С этой целью нами были рассмотрены ключевые отечественные и зарубежные работы по данному направлению и проведено обсуждение основных теоретических и методологических аспектов в исследовании социальных перемещений. Однако ядро данной работы составляют результаты эмпирического анализа, которые обладают принципиальной новизной по отношению к оценкам, полученным ранее не только нашими коллегами, но и нами сами. Эта новизна состоит в том, что мы рассмотрели процессы социальной мобильности в разрезе возрастных когорт, восприняв их как своеобразные модели различных поколений, т.е. как потенциальных носителей свойств, обусловленных социализацией в соответствующую

щие исторические периоды. И, хотя сам по себе этот ход не является исключительно новым для исследований в соответствующей области [Gerber, Hout 2004; Roschina 2012], благодаря потенциалу используемой информационной базы, нам удалось 1) расширить палитру сравниваемых когорт, 2) обойти некоторые методологические ограничения, связанные с их сравнением и 3) включить в рассмотрение альтернативные маркеры конечного маршрута социальных перемещений (уровень образования и социально-профессиональный статус).

В целом полученные нами результаты свидетельствуют о более сложном и неоднозначном характере процессов социальной мобильности в российском обществе, а также их динамики, чем это описано в текущей литературе. С одной стороны, мы находим подтверждение отмеченной некоторыми исследователями (см. пред. работы) тенденции к снижению относительной социальной мобильности для поколений, оканчивавших образование и выходявших на рынок труда в постсоветский период. Указанное усиление действительно могло быть связано с резкими институциональными изменениями, которые российское общество претерпело в процессе перехода от социализма к рыночным отношениям и которые привели к усилению социальных контрастов, характерных для некоторых западных обществ. С другой стороны, имея возможность выделить в нашем анализе не одну, а несколько постсоветских когорт, мы обнаружили, что указанная тенденция не обладала приписываемой ей постоянством: для поздних постсоветских поколений, окончивших образование уже в 2000-е годы, социальные траектории оказались в меньшей степени обусловленными социальным происхождением.

На текущем этапе мы позволим себе воздержаться от категоричных заключений по данному поводу (и более того, в перспективе планируем осуществить репликацию этих результатов, используя альтернативные источники данных). Например, в отношении оценок образовательной мобильности мы вынуждены признать, что наши опросы не дают возможности провести различия по качеству полученного образования и тем самым мы не учитываем более тонкую стратификацию в системе высшего образования, его разделение на массовое и элитарное (например, [Шикин 2005]). Однако, с другой стороны, мы не можем исключать и позитивных следствий некоторых институциональных новаций в российской системе образования в 2000-е годы (в частности, таких реформ, как введение ЕГЭ [Уроки ЕГЭ... 2012]), направленных на выравнивание образовательных возможностей (и как следствие перспектив социальной мобильности) для представителей различных социальных групп и нейтрализацию барьеров, обусловленных социальным неравенством и территориальными различиями.

Ещё одним неожиданным фактом, вскрывшимся в ходе нашего анализа, является динамика социальной мобильности по образованию среди поколений, чей период основной со-

циализации и взросления пришёлся на разные этапы советской эпохи. При том, что в целом анализ подтверждает консервативные оценки [Marschall et al. 1995; Yanowitch, Fischer (eds.) 1973; Teckenberg 1990] относительной социальной мобильности в советском обществе и, в частности, довольно высокую роль социального происхождения с точки зрения социальных перемещений (вопреки более оптимистическим оценкам некоторых советских социологов (например, [Руткевич, Филиппов 1970]), мы увидели, что их динамика также не была постоянной. Наиболее высокий уровень наследования социальных преимуществ, обусловленных образовательным статусом родительской семьи и проживанием в более развитых городских поселениях, как это ни странно, был характерен для самых старших поколений, родившихся до 1950 г., т.е. получавших образование и включавшихся в трудовую деятельность приблизительно до 1970-х годов мобильности, судя по всему, был в последние годы советской власти (т.е. в 1980-е годы). Последнее обстоятельство также противоречит некоторым ранее звучавшим оценкам, в том числе нашим собственным [Шкаратан, Ястребов 2011], впрочем мы вынуждены признать, что эти прежние оценки были получены при использовании методологии, не допускающей анализ социальной мобильности в относительных (т.е. лишённых «структурного эффекта») категориях.

Однако, если рассматривать выявленные тенденции в целом за весь рассмотренный исторически период, пожалуй, мы вынуждены согласиться с характеристикой, которая в своё время была сформулирована классиком, впервые системно проанализировавшим феномен социальной мобильности. Речь, безусловно, идёт о Питириме Сорокине и его характеристике социальной мобильности как процессе, лишённом какой-либо устойчиво направленной динамике (*trendless fluctuation*). Справедливости ради, отметим, что ровно в этих же категориях социальную мобильность охарактеризовали авторы одного из наиболее авторитетных сравнительных исследований социальных перемещений в индустриальных странах Роберт Эрик-сон и Джон Голдторп [Erikson, Goldthorpe 1992]. Закljučая свой анализ, они пришли к выводу, что ни одна существующая макросоциальная теория не способна дать исчерпывающее объяснение наблюдаемым изменениям данных процессов в исторической перспективе. Но как ни парадоксально при всём непостоянстве эти процессы имеют общие черты, свидетельствующие о высокой инерции социального происхождения и его способности «отыгрывать» назад любые изменения (как внезапные, так и искусственно имплементируемые), направленные на снижение его роли в социальном воспроизводстве. Отмеченное свойство, как нам кажется, также целиком применимо к оценке исторической динамики российского социума. И в связи с этим обнаруженные нами оптимистические тенденции (при условии, что они действительно верны и в перспективе подтвердятся другими исследованиями) следует воспринимать как временное достижение, для удержания которого потребуются значительные усилия

со стороны государства и способность чутко реагировать на возникновение новых способов социальной дифференциации, способствующих воспроизводству социальных преимуществ.

Литература

Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Социально-профессиональный статус как фактор социального неравенства // Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.) Социальные неравенства и социальная политика в современной России. М.: Наука, 2008.

Бурлуцкая М.Г. Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики: Опыт России и Беларуси. М.: МОНФ, 2000.

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Карабчук Т.С., Рыжикова З.А., Биляк Т.А. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? // Препринты ГУ ВШЭ. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». М.: Высшая школа экономики, 2009.

Голенкова З.Т. (отв. ред.) Модернизация социальной структуры российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2008.

Ильин В.И. Всемирный конгресс социологов: лицом к лицу с социальным неравенством // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 3.

Инясевский С.А., Шкаратан О.И. Новый средний класс на Западе. Полвека дискуссий, полвека перемен // Общественные науки и современность. 2007. № 4.

Козырева П.М. Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Россия реформирующаяся. М.: Новый хронограф, 2012.

Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Лукина В.И., Нехорошков С.Б. Динамика социальной структуры населения СССР: методология и методика исследования. М.: Финансы и статистика, 1982.

Любимова Т.С., Шкаратан О.И., Инясевский С.А. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1.

Олейник А.Н. «Офисный планктон» как ресурс существующего политического режима? // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 2.

Очкина А.В. Культурный капитал семьи как фактор социального поведения и социальной мобильности (на материалах исследования в провинциальном российском городе) // Мир России. 2010. № 1.

Реутова М.Н. Направления и интенсивность межпоколенной мобильности молодёжи // Социологические исследования. 2004. № 6.

Рощина Я.М. Дифференциация доходов и образования в России // Вопросы образования. 2005. № 4.

Рощина Я.М. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. 2012. № 1.

Рощина Я.М. Чьи дети учатся в российских элитных вузах? // Вопросы образования. 2006. № 1.

Рукавишников В.О. Применение статистических структурных моделей, допускающих причинную интерпретацию к исследованию межпоколенных социальных перемещений в советском обществе // Пуллат Р.Н. (ред.) Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977.

Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М.: Мысль, 1970.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2.

Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, ИС РАН, 2014.

Уроки ЕГЭ как системного проекта // Вопросы образования. 2012. № 3.

Черноволенко В.Ф., Паниотто В.И. и др. Семья и воспроизводство структуры трудовой занятости. Киев: Наукова Думка, 1984.

Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики, 2005.

Шишкин С.В. Доступность высшего образования для населения России: что показывают результаты исследований // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 1.

Шкаратан О.И. и др. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.

Шкаратан О.И. Социология неравенства: теория и реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социокультурная преемственность в российской семье: опыт эмпирического исследования // Общественные науки и современность. 2010. № 1.

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. 2011. № 2.

Яковлев А.А. Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // Мир России: Социология, этнология. 2012. № 4.

Ястребов Г.А. Воспроизводство социально-профессиональных групп в современной России // Мир России: Социология, этнология. 2009. № 2.

Ястребов Г.А. Характер социально-экономической дифференциации населения: сравнительный анализ России и Европы // Мир России: Социология, этнология. 2010. № 3.

Ястребов Г.А. Характер стратификации российского общества в сравнительном контексте: от «высоких» теорий к грустной реальности // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 4 (110).

Ястребов Г.А., Шкаратан О.И. Классы и слои в современной теории стратификации // Социология неравенства. Теория и реальность. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.

Alisson P.D. Comparing Logit and Probit Coefficients Across Groups // Sociological Methods & Research. 1999. Vol. 28. No. 2.

Bessudnov A., McKee M., Stuckler D. Inequalities in Male Mortality by Occupational Class, Perceived Status and Education in Russia, 1994–2006 // European Journal of Public Health. 2012. Vol. 22.

Breen R. (ed.) Social Mobility in Europe. N. Y.: Oxford University Press, 2004.

Breen R. Educational Expansion and Social Mobility in the 20th Century // Social Forces. 2010a. Vol. 89.

Breen R. Social Mobility and Equality of Opportunity Geary Lecture Spring 2010 // The Economic and Social Review. 2010b. Vol. 41.

Breen R., Jonsson J.O. Inequality of Opportunity in Comparative Perspective: Recent Research on Educational Attainment and Social Mobility // Annual Review of Sociology. 2005. Vol. 31.

Corak M. (ed.) Generational Income Mobility in North America and Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Erikson R., Goldthorpe J.H. The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies. Oxford: Clarendon Press, 1992.

Featherman D.L., Jones F.L., Hauser R.M. Assumptions of Social Mobility Research in the US: The Case of Occupational Status // Social Science Research. 1975. Vol. 4.

Florida R. The Rise Of The Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community And Everyday Life. Basic Books, 2002.

Ganzeboom H., De Graaf P.M., Treiman D.J. A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status // Social Science Research. 1992. Vol. 21.

Gerber T., Hout M. Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. No. 5.

Giddens A. The Growth of the New Middle Class / Vidich A. (ed.) *The New Middle Classes. Life-Styles, Status Claims and Political Orientations*. L.: Palgrave MacMillan, 1995.

Goldthorpe J.H. Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // *Acta Sociologica*. 2002. Vol. 45. No. 3.

Goldthorpe J.H., Analysing Social Inequality: A Critique of Two Recent Contributions from Economics and Epidemiology // *European Sociological Review*. 2009. Vol. 26.

Goldthorpe J.H., McKnight A. The Economic Basis of Social Class / S.L. Morgan, D.B. Grusky, G.S. Fields (eds.) *Mobility and Inequality: Frontiers of Research from Sociology and Economics*. Stanford University Press, 2006.

Gottschalk P. Inequality, Income Growth, and Mobility: The Basic Facts / D.B. Grusky (ed.) *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. Boulder, CO: Westview, 2001.

Grusky D.B., Weeden K.A. Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis // *Acta Sociologica*. 2001. Vol. 44.

Grusky D.B., Weeden K.A. Does the Sociological Approach to Studying Social Mobility Have a Future? / S. Morgan, D. Grusky, G. Fields (eds.) *Mobility & Inequality: Frontiers of Research from Sociology & Economics*. Stanford: Stanford University Press, 2006

Marshall G., Sydorenko S., Roberts S. Intergenerational Social Mobility in Communist Russia // *Work, Employment & Society*. 1995. Vol. 9. No. 1.

Mood C. Logistic Regression: Why We Cannot Do What We Think We Can Do, and What We Can Do About It // *European Sociological Review*. 2010. Vol. 26. No. 1.

Roshchina Y. Intergeneration Educational Mobility in Russia and the USSR / *The Asian Conference on Education 2012 Conference Proceedings*. Osaka: The International Academic Forum 2012.

Sabirianova K. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia // *Journal of Comparative Economics*. 2002. Vol. 30. No. 1.

Shavit Y., Blossfeld H.P. (eds.). *Persistent Inequality: Changing Educational Attainment in Thirteen Countries*. Boulder: Westview Press, 1993.

Teckenberg W. The Stability of Occupational Structures, Social Mobility, and Interest Formation / M. Haller (ed.) *Class Structure in Europe: New Findings from East-West Comparisons of Social Structure and Mobility*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1990.

Wright E.O. (ed.). *Approaches to Class Analysis*. Cambridge University Press, 2005.

Wright E.O. *Class Analysis / Wright E.O. Class Counts*. Cambridge University Press, 1996.

Xie Y. The Log-multiplicative Layer Effect Model for Comparing Mobility Tables // *American Sociological Review*. 1992. Vol. 57. No. 3.

Yanowitch M., Fischer W.A. (eds.) *Social Stratification and Mobility in the USSR*. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, 1973.

Приложение А

Алгоритмы трансформации информации о видах занятости в социально-профессиональные группы

Таблица А.1. Развёрнутая и компактная номенклатура основной классификации социально-профессиональных групп

Название и номер группы развёрнутой (исходной) классификации	Название и номер группы компактной (используемой) классификации
(1) Собственники (предприниматели, коммерсанты, рантье)	(1) Предприниматели + управляющие и профессионалы высшего ранга
(2) Самозанятые (включая фриланс)	(8) – Домохозяйки, самозанятые и фрилансеры
(3) Управляющие и чиновники высшего звена	(1) Предприниматели + управляющие и профессионалы высшего ранга
(4) Управляющие и чиновники среднего звена	(2) Управляющие и профессионалы среднего ранга
(5) Управляющие и чиновники низшего звена	(3) – Управляющие низшего ранга + высококвалифицированные рабочие
(6) Высококвалифицированные профессионалы (включая аспирантов, адъютантов, докторантов) / Работники высококвалифицированного умственного труда	(1) Предприниматели + управляющие и профессионалы высшего ранга
(7) Профессионалы, занятые на должностях, требующих высшего образования (исключая высококвалифицированных профессионалов) / Работники квалифицированного умственного труда	(2) Управляющие и профессионалы среднего ранга
(8) Работники творческих профессий	(2) Управляющие и профессионалы среднего ранга
(9) Работники нефизического труда, занятые на должностях, требующих общего среднего или среднего специального образования	(4) – Полупрофессионалы (на должностях, треб. спец. образования)
(10) Работники рутинного нефизического труда (технические работники в сфере организации управления и обслуживания)	(5) – Работники рутинного нефизического труда
(11) Рабочие высококвалифицированного труда, сочетающие физический и умственный труд (модельщики, наладчики станков, испытатели-контролеры и т.д.)	(3) – Управляющие низшего ранга + высококвалифицированные рабочие
(12) Рабочие квалифицированного преимущественно физического труда (токари, сварщики, сборщики) / Квалифицированные рабочие	(6) – Квалифицированные рабочие
(13) Не- и полуквалифицированные рабочие преимущественно физического труда (грузчики, фасовщики, штамповщики, бетонщики, шлакоотбойщики и др.) / Не- и полуквалифицированные рабочие	(7) – Не- и полуквалифицированные рабочие
(14) Крестьяне, фермеры, члены фермерских коллективов	(1) Предприниматели + управляющие и профессионалы высшего ранга
(15) Безработные	не рассматриваются
(16) Домохозяйки и прочие лица, занятые в подсобном и домашнем хозяйстве	(8) – Домохозяйки, самозанятые и фрилансеры
(17) Студенты средних специальных учебных заведений, учащиеся колледжей, ПТУ, средних школ и училищ	не рассматриваются
(18) Прочие неработающие (военнослужащие срочной службы, студенты, пенсионеры, заключенные и т.д.).	не рассматриваются
(99) Нет ответа или пропущенные значения	не рассматриваются

Таблица А.2. Алгоритм свёртывания информации о видах деятельности в основную классификацию социально-профессиональных групп для исходной кодировки в опросе 1994 г.

№	Пример исходной группы (версия и орфография кодировщика)	№ группы развёрнутой классификации
1	крестьянин, фермер	14
2	индив труд деятельность	2
3	домработница	13
4	домохозяйка	16
5	пенсионер, инвалид	18
6	военносл ряд и серж состава	9
7	военносл офицер состава	5
8	ряд и серж состав милиции, ГАИ	9
9	офицер милиции, ГАИ	5
10	учащийся средней школы	17
11	учащийся ПТУ	17
12	студент техникума	17
13	студент вуза	17
14	аспирант	6
15	рабочий в сельском хозяйстве	13
16	сельский механизатор	12
17	рабочий склада	13
18	замерщица, заправщица	13
19	разнорабочий	13
20	лесоруб, горнорабочий	13
21	маркировщица	13
22	вахтер, сторож	13
23	уборщица, почтальон	13
24	санитарка, няня	13
25	швее	12
26	штамповщица, сверловщица	12
27	ткачиха, прядильщица	12
28	копировщица	10
29	контролер, учетчица	9
30	продавец, киоскер	10
31	аппаратчик	12
32	радиомонтажница	12
33	машинист компрессора	12
34	бульдозерист	12
35	водитель грузовика	12
36	шлифовщик, гальваник	12
37	плотник, каменщик	12
38	станочник	12
39	газосварщик	12
40	кузнец, литейщик	12
41	электрик	12
42	слесарь	12
43	монтажник	12
44	бурильщик, вагранщик	12
45	наладчик станков	11
46	закройщик, часовой мастер	11
47	телеграфистка	10
48	парикмахер	12
49	водитель общ транспорта	12
50	повар, кондитер	12
51	лесодесятник, бердовщик	12
52	лаборант НИИ, оператор ЭВМ	9
53	конструктор-чертежник	9
54	налоговый инспектор	9
55	табельщица, регистратор	9
56	костюмерша, кастелянша	10
57	секретарь-референт	10
58	завхоз	5
59	нач охраны	5
60	цветовод, агроном	7
61	воспитатель дет сада	9
62	преподаватель ПТУ	9
63	ассистент аптеки	9
64	медсестра-фельдшер	9
65	товаровед	9
66	нач почты	5

67	гл медсестра	5
68	библиотекарь	9
69	преподаватель техникума	7
70	преподаватель института, м н с, н с	6
71	врачи всех наименований	7
72	актер, диктор	8
73	журналист-корреспондент	8
74	зав магазином	5
75	директор школы	4
76	главврач	4
77	бухгалтер	9
78	техник	9
79	техник-геолог	9
80	мастер, нач участка	5
81	экономист	7
82	инженер	7
83	инженер НИИ, КБ	6
84	ведущий инженер	6
85	гл бухгалтер	7
86	нач цеха, прораб	5
87	директора пром пред	3
88	ректор	3
89	работники госаппарата	4
90	зав лаб, с н с	6
91	безработные	15
92	заключенные	18
93	предприниматели	1
94	бармен, реализатор товара	10
95	нач бюро рекламы, дилер, брокер	7
96	психолог, переводчик	7
97	отпуск по уходу за ребенком	18
98	прочие	99
99	нет ответа	99

Таблица А.3. Алгоритм свёртывания информации о видах деятельности в основную классификацию социально-профессиональных групп для исходной кодировки в опросе 2002 г.

№	Пример исходной группы (версия и орфография кодировщика)	№ группы развёрнутой классификации
1	крестьянин, фермер, земледелец, батрак	14
2	кустарь, работники, занятые индивидуальной трудовой деятельностью	2
3	домработница, горничная	13
4	домохозяйка	16
5	пенсионер (по старости), , инвалид войны или труда	18
6	военнослужащие рядового и сержантского состава	9
7	военнослужащие офицерского состава	5
8	рядовой и сержантский состав милиции, ГАИ, пожарной охраны	9
9	офицер милиции, ГАИ, пожарной охраны	5
10	учащийся средней школы	17
11	учащийся ПТУ, др. учеб. заведений по подготовке рабочих	17
12	студент среднего специального учебного заведения	17
13	студент вуза	17
14	аспирант, учащийся магистратуры, ординатуры	6
15	разнорабочий в сельском хозяйстве, доярка, конюх, телятница, пастух, птичница, прицепщик в с/х на прицепных орудиях (например, плугарь)	13
16	сельский механизатор, тракторист, комбайнер	12
17	электрокарщик, такелажник, рабочий склада, стропаль, тарник	12
18	разливальщица, чистильщица, варщица, фильтровщица, заливщица, заправщица, замерщица, качальщица, копильщик, речница, промывщица, сушильщица на мех.фабрике, изолировщица, мойщица вагонов, отжигальщик, отборщик, путевой обходчик, колесник, маслодавальщица, бункеровщица	12
19	разнорабочий, подсобный рабочий, шлакоотбойщик, бетонщик, грузчик, зольщик, транспортерщица, землекоп, рабочий в бурении, карьерщица, костильщик, асфальтировщик, арматурщик, путевой рабочий, кондуктор на ж/д, обрезчик, обрубщик, земледел, водородчик, пистолетчик, бердовщик, баульщик, молотобоец, лесоруб, выколотчик, горнорабочий	13
20	директора пром.предприятий, председатель колхоза, директор совхоза, директор типографии, управляющий директор, директора НИИ, КБ, СПКБ, НИПИ, ректор	3
21	расфасовщик, распределитель, подготовитель, приемщица, весовщица, фасовщица, дозировщик, укладчица, проводник спирта, комплектовщица, упаковщица, контролер-комплектовщик, маркировщица, счетчица, лаборант б/о	13
22	вахтер, гардеробщица, работник охраны, лифтер, сторож, экспедитор, курьер, промоутер	13
23	горничная, уборщица, техничка, посудница в столовой, коренщица в столовой, кондуктор, почтальон, дворник, приемщица посуды, проводник, книгоноша	13
24	санитарка, няня, банщица, сиделка, ванщица в больнице	13
25	швея-операционщица, швея-машинистка, швея-мотористка, вязальщица в ткацком пр-ве, утюжница, скорняк-машинист, каландровщик, учетчица, браковщик	12
26	формовщик на маш.формовке, сверловщица, штамповщица, прессовщица (по хол.обработке металла), клепальщица, полировщица, вырубщик на машинах и механизмах, маркировщики на машинах и механизмах, клепальщик	12
27	ткачиха, прядильщица, тростильщица, дрожжевар, наладчица литогравиру, валяльщица, скудельщица, мастер-швея (но не руководитель), теребильщица, жгутовщица, трафаретчица, шершовщица, вязальщица в ткацком пр-ве, намотчица, обувщица на фабрике, закройщик, портной, мыловар, кройщик картонажных изделий, типографский наборщик	12
28	официант, буфетчица, киоскер, кассир в торговле, продавец, продавец старший, дистрибьютер, коммивояжер	10
29	контролер, ст.контролер	9
30	менеджер, менеджер по продажам , управляющий по торговле сопутствующими товарами, трейдер	9
31	кочегар газовой котельной, оператор, аппаратчик, катализаторщик, оператор по нефтедобыче, оператор старший, оператор станков с ЧПУ, оператор б/в.о.	12
32	монтажница, радиомонтажница, сборщица (но не сборщица партий), переплетчица, электрообмотчица, оплетчица	12
33	авиамоторист, автокрановщик, компрессорщик, машинист компрессора, машинист мостового крана, машинист-дизелист, слесарь-машинист, машинист подъемника, машинист ППУ, машинист-дизелист буровых установок, машинист СМУ, машинист на мех.формовке, моторист	12
34	бульдозерист, копровщик, экскаваторщик, машинист-тракторист, машинист башенного крана, машинист трубоукладчика, машинист мостового крана, водитель (шофер)грузовой автомашины, шофер грузовика, шофер автобуса, водитель цементного агрегата, машинист на ж/д, пом.машиниста на ж/д	12
35	веб-верстальщик	9
36	шлифовщик, жестянщик, термист, калильщик, гальваник, гальваностег, аккумуляторщик, хромировщик	12
37	плотник, каменщик, плотник-столяр, печник, штукатур, маляр, маляр-штукатур, облицовщик, мозаичник, плиточник, стекольник, паркетчик, отделочник	12
38	станочник, станочник-операционник, токарь, токарь-револьверщик, токарь-расточник, фрезеровщик, расточник, зуборезчик, обмотчик изоляторов, строгальщик, долбежник, револьверщик, заточник	12
39	электросварщик, электрогазосварщик, газосварщик, газорезчик, газогенераторщик	12
40	кузнец, литейщик, стерженщик, формовщик на ручной формовке	12

41	электромеханик, электрик, автоэлектрик, электромонтер, электрослесарь, monter, приборист	12
42	слесарь-механик, котельщик, слесарь, слесарь по настройке паровых котлов, автомеханик, слесарь-сборщик, слесарь-механосборщик, механик, столяр, печатник, слесарь-монтажник, монтаж-ник (строитель), слесарь-сборщик стальных конструкций, вышкомонтажник	12
43	нач. отдела кадров, гл. бухгалтер, зам. гл. бухгалтера, зав. кассой Госбанка, зав. сберкассой, нач. ОтИЗ, нач. ОТК, нач. планового отдела, гл. экономист, зам. директора по управлению персона-лом, коммерческий директор / нач. отдела сбыта, директор по маркетинг. исследованиям и пла-нированию, директор по персоналу / глава отдела кадров/HRменеджер, начальник бюро рекла-мы, директор по PR	5
44	бурильщик, пом.бурильщика в отраслях добывающей пром-ти, вагранщик	12
45	наладчик станков, полуавтоматов, автоматов, настройщики, слесарь-инструментальщик, слесарь-испытатель, слесарь-наладчик автоматич. линий, слесарь КИП, настройщик радиоаппаратуры, разметчик, метролог, модельщик, наладчик-пультовик	11
46	часовой мастер, мастер по ремонту радиотелевизионной аппаратуры, мастер-закройщик, столяр-краснодеревщик, мастер индивидуального пошива верхней одежды, мастер по кройке и шитью, мастер-скорняк (не на фабрике), сапожник (индивидуальное производство на заказ)	11
47	машинистка, оператор МСС, телеграфистка, связистка, телетайпистка, телефонистка, хрономет-ражист, фотолаборант, копировщица, светокопировщица, радиооператор, радист	10
48	парикмахер, мозольный оператор, маникюрщица, визажист, бармен, фотограф, костюмерша, киномеханик	12
49	водитель трамвая, водитель троллейбуса, водитель автобуса, шофер такси	12
50	повар, кондитер, помощник повара	12
51	цветовод, пчеловод, натурщица, диратизатор, таксировщик, марочница, кинолог, лесодесятник	12
52	лаборант в НИИ, КБ и т.д., ст.лаборант, оператор ЭВМ, химик-лаборант	9
53	конструктор-чертежник, чертежник	9
54	контролер сберкассы, кассир-инкассатор, казначей, счетный работник, счетовод-кассир, счето-вод, инспектор госстраха, агент, агент по снабжению	9
55	инспектор отдела кадров, менеджер по управлению персоналом, менеджер по планированию труд. ресурсов, сотрудник кадрового агентства, сотрудник отдела кадров, специалист по кадрам	7
56	кастелянша, дежурный комендант, регистратор - медработник, регистратор в гостинице, табель-щица, ст.табельщица, делопроизводитель, диспетчер, секретарь, секретарь в колхозе, секретарь-машинистка	10
57	интервьюер, стенографистка, менеджер по корпоративным мероприятиям, менеджер-администратор , офис-менеджер	10
58	администратор в ресторане, метрдотель , администратор, завхоз	5
59	зав.розыскного отдела, нач.военизированной охраны, нач.охраны	5
60	лесовод, агроном, ветврач, животновод, зоотехник	7
61	воспитатель детского сада, гувернер, муз.работник в яслях, пионервожатая, ст.пионервожатая, методист по гимнастике, муз.работник, спорт-тренер	9
62	мастер производ. обучения, преподаватель ПТУ, инструктор-кулинар	9
63	ассистент аптеки, ассистент-фармацевт, контролер-рецептор (фармацевт), фармацевт, фармацевт-фельдшер	9
64	акушерка, медсестра-фельдшер, ст.медсестра, фельдшер	9
65	директор магазина, зав.магазином, зав.производством в столовой, зам.нач.хозчасти, зам.директора школы по хоз.части, зав.базой, зав.складом, зав. бюро пропусков, зав. камерой хранения, зав. канцелярией, зав. экспедицией, зав. машинописным бюро, зав. общежитием, зав. фотолабораторией, торговый супервайзер	5
66	копирайтер, юрист, кодификатор-юрист, эксперт, юрист в неюр. фирме / сотрудник юр. отд., юрист в юрид. фирме, юрист по международным проектам, юрист по вопросам кредитования, судья (юрист)	7
67	зав.детскими яслями, садом, гл. медсестра, зав. фельдшерским пунктом	5
68	архивариус, библиотекарь, ст. библиотекарь, библиограф, ст. библиограф, корректор, документо-вед	9
69	преподаватель техникума, преподаватель муз.училища, преподаватель педучилища, преподава-тель в школе (учитель), завуч, математик-преподаватель, физик-преподаватель	7
70	ассистент - переводчик кафедры, преподаватель института, ст. преподаватель, младший научный сотрудник, научный сотрудник	6
71	врачи всех наименований, зав. приемным покоем, зав. отделением в больнице	7
72	актер, актриса радио, телевидения, диктор, художник, дизайнер интерьера, витражист	8
73	журналист-корреспондент, лит.сотрудник, преподаватель-дирижер хора, лектор-музыковед, ру-ководитель самодеятельности, художественный руководитель, ст.архитектор	8
74	нач. отдела райпищеторга, зам.нач. ОРСа, нач. аптекоуправления, директор гостиницы, нач.отделения связи, нач.почты	5
75	зав. библиотекой, зав. клубом, зав. фильмотекой, зав.архивом	5
76	главврач, зав. больницей, директор муз. училища, директор школы	4
77	бухгалтер, бухгалтер-ревизор, пом. бухгалтера, сотрудник бухгалтерии, ст. бухгалтер, техник-плановик, ст. техник-плановик, техник-бухгалтер, инспектор райфо, инспектор по финансирова-нию	9
78	верстальщик, макетчик, техник, ст.техник, техник-авиатор, техник-диспетчер, техник домоуправ-ления, техник-механик, техник-регулирующий, техник-строитель, техник-теплотехник, техник-технолог, техник-химик, техник-чертежник, техник-эксплуатационник, технолог	9
79	техник-геолог, техник-геодезист, техник-путеец, техник-гидролог, техник-землеустроитель, гео-физик (техник)	9
80	бригадир (осв.), бригадир каменщиков, бригадир монтажников, бригадир разнораб., мастер, мас-	5

	тер участка, ст.мастер, пом.мастера, контрольный мастер, нач. ремонтного участка, нач. подстанции, нач. смены, нач. стройучастка, нач. участка, директор котельной, супервайзер, управляющий эксплуатацией объекта	
81	инженер-сметчик, инженер-сметчик ст., инженер по труду и зарплате, инженер-нормировщик, инженер-экономист, инженер отдела комплектации, экономист, экономист-расчетчик, ст. экономист, инженер по подготовке кадров	7
82	инженер, ст.инженер, инженер-технолог, ст. технолог, сменный инженер, инженер-механик, инженер-строитель, инженер-синоптик, ст.инженер-диспетчер, химик-аналитик, маркшейдер	7
83	инженер НТИ, НИИ, НИПИ, НИО, ст.инженер лаб. НИО, ст. инженер НИИ и т.д., инженер-конструктор, инженер-вычислитель, инженер-программист, инженер-проектировщик, проектировщик, конструктор, менеджер по автоматизации, менеджер по техн. поддержке клиентов	6
84	руководитель группы – инженер, ведущий инженер, начальник сектора программ, креативный директор, руководитель исследований лаборатории, бюро, сектора на заводе, в строительстве, на транспорте, зам. нач. КИПа, директор IT-департамента / IT - директор	6
85	менеджер по вопросам кредитования и дебиторской задолженности, менеджер по оценке рисков, аудитор, внутренний аудитор, финансовый аналитик, логистик, менеджер по работе с ценными бумагами, консультант по налогам и сборам, специалист по налогообложению, налоговый инспектор	7
86	прораб, бригадир комплексной бригады в строительстве, зав. производством в строительстве, зам.нач.цеха	5
87	руководители ведущих производственных отделов, начальник цеха, гл.специалисты (кроме гл.бух. и гл.экономистов), зам.гл.специалистов, гл.инженеры заводов и фабрик, зам.гл.инженеров, зам.директора заводов, фабрик, зам. директора по кап. строительству, зам. директора по коммерч. вопросам, зам.предколхоза, зам. директора совхоза, вице-президент по операциям, директор по продажам, директор по производству / технический директор, топ-менеджер, финансовый директор	4
88	зам.директора НИИ, КБ и т.д., проректор, гл.инженеры НИИ и их заместители	4
89	работники Госаппарата, служащие муниципалитета	4
90	зав. лабораторией, научно-исследовательских секторов, бюро в НИИ, НИПИ и т.д. и их заместители, зав. лабораторией и сектором в институтах системы АН СССР, заведующие кафедрами, старшие научные сотрудники	6
91	безработные	15
92	заклоченный	18
93	предприниматели, владельцы фирм	1
94	аукционист, крупье, дилер, торговый представитель, брокер, брокер-трейдер, маклер, менеджер по покупке и работе с недвижимостью , оценщик, риэлтор	9
95	товаровед, ст.товаровед, маркетолог, туроператор, специалист по маркетингу, психолог, социолог , статистик, психолог / менеджер по обучению, спичрайтер, брэнд-менеджер, менеджер по связям с общественностью, менеджер по PR, специалист по связям с общественностью, менеджер по работе с корпоративными клиентами, менеджер по рекламе, менеджер по маркетингу, менеджер по группе продуктов , менеджер по работе с клиентами , менеджер по работе с частными клиентами, имиджмейкер	9
96	веб-дизайнер, художник компьютерной графики, менеджер интернет-проекта, менеджер по IT, системный администратор, специалист по сопровождению вычислительной техники и прогр. обеспечения, специалист по защите информации , сотрудник службы технической поддержки, разработчик (прогр. обесп.), рук-ль группы тестирования (IT), консультант компьютерного клуба, программист, руководитель интернет-проекта	9
97	переводчик, переводчик синхронный, референт, секретарь-референт	7
98	декретный отпуск, отпуск по уходу за ребенком	18
99	прочие	99
100	НЕТ ОТВЕТА	99

Таблица А.4. Алгоритм свёртывания информации о видах деятельности в основную классификацию социально-профессиональных групп для исходной кодировки в опросах 2006 и 2013 гг.

№	Пример исходной группы (версия и орфография кодировщика)	№ группы развёрнутой классификации
1	крестьяне, фермеры, земледельцы	14
2	кустари, шабашники, ИТР	2
3	горничные, домработницы, прислуга	13
4	домохозяйки	16
5	пенсионеры, инвалиды	18
6	военнослужащие рядового и сержантского состава	9
7	военнослужащие офицерского состава	5
8	рядовой и сержантский состав МВД, МЧС	9
9	офицерский состав МВД, МЧС	5
10	учащиеся средней школы, гимназии, лицея	17
11	учащиеся ПТУ, колледжей	17
12	студенты техникумов	17
13	студенты вузов	17
14	аспиранты, магистранты, ординаторы	6
15	разнорабочие в сельском хозяйстве	13
16	сельские механизаторы, трактористы, комбайнеры и т.п.	12
17	рабочие склада, стропали, такелажники и т.п.	12
18	фильтровщики, заправщики, путевые обходчики и т.п.	12
19	подсобные рабочие, грузчики, путевые рабочие и т.п.	13
20	высший уровень руководства предприятий и организаций	3
21	фасовщики, приемщики, дозировщики, маркировщики и т.п.	13
22	вахтеры, лифтеры, курьеры и т.п.	13
23	дворники, кондукторы, почтальоны и т.п.	13
24	санитары, няни и т.п.	13
25	швеи, утюжницы, каландровщики, браковщики и т.п.	12
26	формовщики, клепальщики, полировщики и т.п.	12
27	ткачи, трафаретчики, наборщики, стеклодувы и т.п.	12
28	продавцы, официанты, киоскеры и т.п.	10
29	контролеры, старшие контролеры и т.п.	9
30	менеджеры по продажам, продавцы-консультанты и т.п.	9
31	операторы станков, кочегары, аппаратчики и т.п.	12
32	сборщики, переплетчики, обмотчики и т.п.	12
33	мотористы, машинисты различных установок и т.п.	12
34	водители грузовиков, автокрановщики и т.п.	12
35	верстальщики, макетчики и т.п.	9
36	шлифовщики, гальваники, хромировщики и т.п.	12
37	плотники, штукатуры, облицовщики и т.п.	12
38	токари, фрезеровщики, расточники и т.п.	12
39	электросварщики, газорезчики и т.п.	12
40	кузнецы, литейщики, вольцовщики и т.п.	12
41	электрики, электромонтеры, электрослесари и т.п.	12
42	механики, слесари, монтажники и т.п.	12
43	начальники отделов по управлению персоналом и т.п.	5
44	бурильщики, вагранщики и т.п.	12
45	наладчики станков, настройщики, метрологи и т.п.	11
46	индивидуальные мастера, сапожники, часовщики и т.п.	11
47	телеграфисты, связисты, радиооператоры и т.п.	10
48	парикмахеры, фотографы и т.п.	12
49	водители наземного общественного транспорта	12
50	повара, кондитеры и т.п.	12
51	цветоводы, пчеловоды, кинологи и т.п.	12
52	лаборанты НИИ и КБ, операторы ЭВМ и т.п.	9
53	конструкторы-чертежники и т.п.	9
54	кассиры-инкассаторы, агенты по снабжению и т.п.	9
55	менеджеры по управлению персоналом и т.п.	7
56	диспетчеры, секретари, регистраторы и т.п.	10
57	менеджеры-администраторы, офис-менеджеры и т.п.	10
58	администраторы, метрдотели, завхозы и т.п.	5
59	начальники военизированной охраны, караулов и т.п.	5
60	лесоводы, агрономы, ветврачи и т.п.	7
61	воспитатели, пионервожатые, тренеры и т.п.	9
62	мастера произв. обучения, преподаватели ПТУ и т.п.	9
63	ассистенты аптек, фармацевты и т.п.	9
64	акушерки, медсестры, фельдшеры и т.п.	9
65	заведующие магазинами, базами, складами и т.п.	5
66	юристы, эксперты и т.п.	7
67	заведующие детскими садами, главные медсестры и т.п.	5

68	библиотекари, корректоры, документоведы и т.п.	9
69	преподаватели техникумов, учителя, завучи и т.п.	7
70	преподаватели институтов, мл. научные сотрудники и т.п.	6
71	врачи всех наименований	7
72	актеры, музыканты, художники и т.п.	8
73	журналисты, дирижеры, худ. руководители и т.п.	8
74	начальники отделений связи, почты и т.п.	5
75	заведующие библиотеками, клубами, фильмотеками и т.п.	5
76	главврачи, директора школ и т.п.	4
77	сотрудники бухгалтерий	9
78	техники и технологи всех наименований	9
79	техники с высшим образованием	9
80	бригады, мастера участков, супервайзеры и т.п.	5
81	экономисты, инженеры-нормировщики и т.п.	7
82	инженеры-технологи, инженеры-механики и т.п.	7
83	инженеры-конструкторы, проектировщики и т.п.	6
84	ведущие инженеры, креативные директора и т.п.	6
85	аудиторы, финансовые аналитики и т.п.	7
86	прорабы, заместители начальников цехов и т.п.	5
87	топ-менеджмент	4
88	заместители директоров НИИ и КБ, проректоры и т.п.	4
89	прокуроры, судьи и т.п.	4
90	зав. лабораториями, ст. научные сотрудники и т.п.	6
91	безработные	15
92	заключенные	18
93	предприниматели, владельцы фирм, коммерсанты	1
94	трейдеры, дилеры, риэлторы и т.п.	9
95	товароведы, маркетологи, туроператоры и т.п.	9
96	IT-менеджеры, системные администраторы и т.п.	9
97	переводчики, референты и т.п.	7
98	декретный отпуск, отпуск по уходу за ребенком	18
99	геологи, старшие геологи и т.п.	7
100	нет ответа	99
101	главные экономисты, коммерческие директора и т.п.	4
102	сотрудники кадровых агентств и отделов кадров	9
103	спортсмены и т.п.	9
104	рантье и акционеры	1
105	госслужащие, работники исполкомов, префектур и т.п.	5
106	специалисты в государственных службах	5
107	начальники ПФ, секретари райкомов и т.п.	4

Приложение Б.
Результаты симуляции моделей социальной мобильности для ключевых факторов
(в терминах средних предельных эффектов)

Таблица Б.1. Симулированные условные вероятности получения высшего профессионального образования (средние предельные эффекты)

Когорты	1916/49	1950/59	1960/69	1970/75	1976/81	1982/96
Средняя вероятность	.24	.25	.27	.30	.32	.31
Средняя вероятность (ДИ–)	.22	.24	.26	.27	.29	.29
Средняя вероятность (ДИ+)	.26	.27	.29	.32	.34	.34
<i>Образование родителей</i>						
Высшее или выше	.60	.52	.46	.48	.52	.43
Высшее или выше (ДИ–)	.53	.48	.43	.44	.48	.38
Высшее или выше (ДИ+)	.67	.57	.50	.52	.57	.48
Среднее профессиональное	.39	.31	.29	.24	.29	.29
Среднее профессиональное (ДИ–)	.33	.27	.26	.20	.25	.25
Среднее профессиональное (ДИ+)	.44	.34	.32	.27	.32	.33
Полное среднее или начальное профессиональное	.20	.19	.17	.12	.10	.17
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ–)	.17	.17	.15	.09	.07	.12
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ+)	.23	.21	.19	.15	.14	.22
Неполное среднее или ниже	.10	.13	.11	.25	.09	.00
Неполное среднее или ниже (ДИ–)	.06	.09	.05	.08	.00	.00
Неполное среднее или ниже (ДИ+)	.13	.17	.16	.43	.24	.00
<i>Место проживания в школьные годы</i>						
Москва или Санкт-Петербург	.38	.30	.27	.32	.35	.30
Москва или Санкт-Петербург (ДИ–)	.30	.24	.22	.25	.28	.22
Москва или Санкт-Петербург (ДИ+)	.46	.37	.32	.39	.43	.37
Города (включая областные центры)	.38	.34	.31	.28	.30	.29
Города (включая областные центры) (ДИ–)	.34	.31	.29	.26	.27	.26
Города (включая областные центры) (ДИ+)	.41	.36	.33	.31	.33	.32
Села, деревни или ПГТ	.29	.26	.23	.19	.21	.20
Села, деревни или ПГТ (ДИ–)	.26	.24	.20	.16	.18	.17
Села, деревни или ПГТ (ДИ+)	.32	.29	.25	.22	.25	.24

Примечание:

ДИ– соответствует нижней границе 90%-ного доверительного интервала; ДИ+ – верхней.

Таблица Б.2. Симулированные условные вероятности получения среднего профессионального образования (средние предельные эффекты)

Когорты	1916/49	1950/59	1960/69	1970/75	1976/81	1982/96
Средняя вероятность	.30	.36	.38	.36	.32	.28
Средняя вероятность (ДИ–)	.27	.35	.36	.34	.30	.26
Средняя вероятность (ДИ+)	.32	.38	.39	.39	.34	.31
<i>Образование родителей</i>						
Высшее или выше	.25	.32	.35	.31	.28	.26
Высшее или выше (ДИ–)	.18	.28	.32	.27	.23	.22
Высшее или выше (ДИ+)	.31	.37	.39	.35	.32	.30
Среднее профессиональное	.36	.41	.45	.46	.33	.31
Среднее профессиональное (ДИ–)	.30	.37	.41	.42	.29	.27
Среднее профессиональное (ДИ+)	.42	.45	.48	.50	.37	.35
Полное среднее или начальное профессиональное	.33	.36	.36	.34	.38	.29
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ–)	.30	.34	.33	.30	.33	.23
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ+)	.36	.39	.39	.38	.43	.34
Неполное среднее или ниже	.19	.35	.34	.26	.25	.13
Неполное среднее или ниже (ДИ–)	.15	.30	.26	.09	.04	.00
Неполное среднее или ниже (ДИ+)	.24	.40	.42	.42	.47	.34
<i>Место проживания в школьные годы</i>						
Москва или Санкт-Петербург	.34	.32	.39	.25	.27	.21
Москва или Санкт-Петербург (ДИ–)	.26	.25	.33	.17	.18	.14
Москва или Санкт-Петербург (ДИ+)	.43	.39	.45	.33	.35	.29
Города (включая областные центры)	.31	.37	.38	.36	.31	.28
Города (включая областные центры) (ДИ–)	.28	.34	.35	.33	.28	.24
Города (включая областные центры) (ДИ+)	.35	.39	.40	.39	.34	.32
Села, деревни или ПГТ	.30	.37	.39	.39	.33	.27
Села, деревни или ПГТ (ДИ–)	.27	.35	.36	.35	.29	.23
Села, деревни или ПГТ (ДИ+)	.33	.40	.41	.43	.37	.32

Примечание:

ДИ– соответствует нижней границе 90%-ного доверительного интервала; ДИ+ – верхней.

Таблица Б.3. Симулированные условные вероятности получения полного среднего и/или начального профессионального образования (средние предельные эффекты)

Когорты	1916/49	1950/59	1960/69	1970/75	1976/81	1982/96
Средняя вероятность	.20	.29	.29	.27	.26	.30
Средняя вероятность (ДИ–)	.18	.27	.28	.25	.23	.27
Средняя вероятность (ДИ+)	.22	.30	.31	.29	.28	.33
<i>Образование родителей</i>						
Высшее или выше	.10	.13	.16	.18	.16	.25
Высшее или выше (ДИ–)	.05	.10	.14	.15	.13	.21
Высшее или выше (ДИ+)	.14	.16	.19	.22	.19	.29
Среднее профессиональное	.17	.24	.24	.25	.27	.29
Среднее профессиональное (ДИ–)	.12	.21	.21	.21	.23	.25
Среднее профессиональное (ДИ+)	.22	.28	.26	.28	.31	.33
Полное среднее или начальное профессиональное	.21	.34	.39	.41	.37	.40
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ–)	.18	.31	.36	.37	.32	.34
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ+)	.23	.36	.42	.46	.42	.47
Неполное среднее или ниже	.20	.34	.36	.14	.21	.87
Неполное среднее или ниже (ДИ–)	.15	.29	.28	.02	.00	.66
Неполное среднее или ниже (ДИ+)	.24	.40	.44	.27	.42	1.00
<i>Место проживания в школьные годы</i>						
Москва или Санкт-Петербург	.13	.37	.30	.36	.32	.28
Москва или Санкт-Петербург (ДИ–)	.07	.30	.24	.27	.23	.19
Москва или Санкт-Петербург (ДИ+)	.19	.44	.36	.45	.41	.38
Города (включая областные центры)	.18	.24	.27	.27	.25	.33
Города (включая областные центры) (ДИ–)	.15	.22	.25	.24	.22	.29
Города (включая областные центры) (ДИ+)	.21	.26	.29	.30	.28	.37
Села, деревни или ПГТ	.16	.27	.31	.32	.32	.37
Села, деревни или ПГТ (ДИ–)	.14	.24	.29	.29	.28	.32
Села, деревни или ПГТ (ДИ+)	.19	.29	.33	.36	.37	.42

Примечание:

ДИ– соответствует нижней границе 90%-ного доверительного интервала; ДИ+ – верхней.

Таблица Б.4. Симулированные условные вероятности получения неполного среднего образования или ниже (средние предельные эффекты)

Когорты	1916/49	1950/59	1960/69	1970/75	1976/81	1982/96
Средняя вероятность	.27	.10	.06	.07	.11	.11
Средняя вероятность (ДИ–)	.24	.09	.05	.06	.09	.09
Средняя вероятность (ДИ+)	.29	.11	.07	.08	.12	.13
<i>Образование родителей</i>						
Высшее или выше	.05	.02	.02	.02	.04	.06
Высшее или выше (ДИ–)	.02	.01	.01	.01	.02	.03
Высшее или выше (ДИ+)	.09	.03	.03	.04	.06	.09
Среднее профессиональное	.09	.05	.03	.06	.12	.11
Среднее профессиональное (ДИ–)	.05	.03	.02	.04	.09	.08
Среднее профессиональное (ДИ+)	.12	.06	.04	.08	.14	.14
Полное среднее или начальное профессиональное	.27	.11	.08	.12	.15	.14
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ–)	.24	.10	.07	.10	.11	.09
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ+)	.30	.13	.10	.15	.18	.19
Неполное среднее или ниже	.51	.18	.19	.34	.45	
Неполное среднее или ниже (ДИ–)	.45	.13	.12	.17	.17	
Неполное среднее или ниже (ДИ+)	.58	.23	.27	.52	.73	
<i>Место проживания в школьные годы</i>						
Москва или Санкт-Петербург	.15	.01	.04	.07	.06	.21
Москва или Санкт-Петербург (ДИ–)	.09	.00	.01	.01	.00	.10
Москва или Санкт-Петербург (ДИ+)	.21	.03	.07	.12	.12	.32
Города (включая областные центры)	.13	.06	.04	.08	.14	.10
Города (включая областные центры) (ДИ–)	.10	.05	.03	.07	.11	.07
Города (включая областные центры) (ДИ+)	.16	.07	.05	.10	.17	.14
Села, деревни или ПГТ	.25	.10	.08	.09	.13	.15
Села, деревни или ПГТ (ДИ–)	.22	.09	.06	.07	.10	.11
Села, деревни или ПГТ (ДИ+)	.27	.11	.09	.12	.16	.19

Примечание:

ДИ– соответствует нижней границе 90%-ного доверительного интервала; ДИ+ – верхней.

Таблица Б.5. Симулированные условные вероятности обретения различных социально-профессиональных статусов в зависимости от образования родителей (средние предельные эффекты)

Социально-профессиональные группы	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
1916/1959	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Средняя вероятность	.07	.15	.09	.15	.06	.28	.16	.04
Средняя вероятность (ДИ–)	.06	.14	.08	.14	.06	.26	.15	.06
Средняя вероятность (ДИ+)	.08	.17	.10	.16	.07	.29	.17	.09
<i>Образование родителей</i>								
Высшее или выше	.13	.24	.10	.20	.06	.17	.05	.04
Высшее или выше (ДИ–)	.10	.20	.07	.15	.03	.13	.03	.02
Высшее или выше (ДИ+)	.17	.29	.13	.25	.09	.20	.07	.07
Среднее профессиональное	.09	.13	.10	.22	.09	.22	.09	.05
Среднее профессиональное (ДИ–)	.06	.11	.07	.18	.06	.18	.07	.03
Среднее профессиональное (ДИ+)	.11	.16	.13	.27	.12	.26	.11	.07
Полное среднее или начальное профессиональное	.04	.10	.09	.16	.11	.32	.14	.05
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ–)	.03	.08	.07	.13	.08	.29	.12	.03
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ+)	.05	.11	.11	.19	.14	.35	.16	.06
Неполное среднее или ниже	.03	.06	.07	.10	.13	.36	.22	.03
Неполное среднее или ниже (ДИ–)	.01	.04	.04	.07	.08	.31	.17	.01
Неполное среднее или ниже (ДИ+)	.04	.08	.10	.14	.17	.42	.27	.05
1960/1975	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Средняя вероятность	.08	.13	.09	.17	.08	.28	.11	.03
Средняя вероятность (ДИ–)	.07	.12	.08	.16	.07	.26	.10	.05
Средняя вероятность (ДИ+)	.08	.14	.10	.18	.09	.29	.12	.08
<i>Образование родителей</i>								
Высшее или выше	.13	.24	.09	.19	.06	.16	.07	.06
Высшее или выше (ДИ–)	.10	.21	.07	.17	.04	.14	.05	.05
Высшее или выше (ДИ+)	.15	.27	.10	.22	.07	.19	.09	.08
Среднее профессиональное	.07	.14	.10	.18	.09	.27	.11	.05
Среднее профессиональное (ДИ–)	.05	.12	.08	.16	.07	.24	.09	.04
Среднее профессиональное (ДИ+)	.09	.16	.12	.20	.10	.29	.13	.07
Полное среднее или начальное профессиональное	.06	.09	.09	.13	.09	.35	.13	.06
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ–)	.05	.08	.07	.12	.07	.33	.11	.04
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ+)	.08	.11	.10	.15	.10	.38	.15	.07
Неполное среднее или ниже	.04	.12	.05	.05	.09	.40	.22	.04
Неполное среднее или ниже (ДИ–)	.00	.06	.01	.01	.03	.31	.14	.00
Неполное среднее или ниже (ДИ+)	.08	.19	.09	.09	.14	.48	.30	.08
1976/1996	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Средняя вероятность	.06	.10	.06	.20	.10	.27	.12	.04
Средняя вероятность (ДИ–)	.05	.08	.05	.19	.09	.25	.11	.07
Средняя вероятность (ДИ+)	.07	.11	.07	.22	.11	.29	.13	.10
<i>Образование родителей</i>								
Высшее или выше	.14	.21	.08	.22	.04	.16	.09	.06
Высшее или выше (ДИ–)	.10	.16	.05	.17	.03	.13	.06	.04
Высшее или выше (ДИ+)	.19	.27	.10	.26	.06	.19	.12	.08
Среднее профессиональное	.06	.14	.05	.18	.07	.27	.17	.07
Среднее профессиональное (ДИ–)	.03	.10	.03	.14	.05	.23	.13	.04
Среднее профессиональное (ДИ+)	.08	.18	.07	.21	.09	.31	.21	.09
Полное среднее или начальное профессиональное	.03	.09	.05	.10	.07	.33	.22	.11
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ–)	.00	.05	.03	.07	.05	.27	.16	.07
Полное среднее или начальное профессиональное (ДИ+)	.05	.13	.08	.14	.10	.38	.28	.15
Неполное среднее или ниже	.11	.10	.00	.06	.08	.29	.29	.07
Неполное среднее или ниже (ДИ–)	.09	.00	.00	.00	.00	.06	.02	.00
Неполное среднее или ниже (ДИ+)	.31	.27	.00	.16	.20	.53	.56	.20

Примечание:

- (1) – Предприниматели + управляющие и профессионалы высшего ранга; (2) – Управляющие и профессионалы среднего ранга; (3) – Управляющие низшего ранга + высококвалифицированные рабочие; (4) – Полупрофессионалы (на должностях, треб. ср. спец. образования); (5) – Работники рутинного нефизического труда; (6) – Квалифицированные рабочие; (7) – Не- и полуквалифицированные рабочие; (8) – Домохозяйки, самозанятые и фрилансеры.
- ДИ– соответствует нижней границе 90%-ного доверительного интервала; ДИ+ – верхней.

Yastrebov, G. The Dynamics of Social Mobility in Russia from a Long-Term Perspective [Electronic resource] : Working paper WP17/2015/01 / G. Yastrebov ; National Research University Higher School of Economics. – Electronic text data (1 Mb). – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2015. – 65 p. (In Russian.)

In this paper I revisit the topic of social mobility in Soviet and post-Soviet Russia. Here, by social mobility I understand the level of individual educational and socioeconomic attainment conditional on educational and socioeconomic attainment of parents. Surprisingly, similar issues and from similar perspectives have been approached in only a handful of studies. Moreover, the span of their analysis rarely extends beyond the beginning of 2000s, and, in fact, they attempt no systematic comparison between different historical periods. I try to fill in this gap by utilizing data from four representative cross-national surveys which have been carried out in Russia in 1994, 2002, 2006 and 2013. The data contain information about educational and occupational status of individuals (measured at several time-points along the life course) and their parents. I pool this data together, accounting for all methodological reservations, to obtain a larger dataset ($N = 9,113$) that enables a more robust and fine-cut cross-cohort comparison, than the ones that have been previously attempted. To model social mobility I use multinomial regression models, in which through the so called “cohort effect” I explicitly account for the variation between origins and destinations that may be due to change in historical conditions. My results seem to contradict some of the conventional wisdom about the evolution of social mobility in Soviet and post-Soviet Russia. I find a surprising wave-like pattern of relative social mobility, with highest degrees of social fluidity among the people who have been maturing during Brezhnev’s era and late Putin’s era. This calls for a re-examination of existing knowledge about the evolution of social mobility in Russia, both from empirical and theoretical perspectives.

Keywords: social mobility, social inequality, social reproduction, social transformations, Russian society, Soviet society, post-Soviet society

Gordey Yastrebov – candidate of sociological sciences (Institute of Sociology RAS, 2011), senior research scientist at the Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Developments NRU HSE, deputy editor-in-chief of ‘Mir Rossii’ (peer-reviewed academic journal), PhD researcher at the European University Institute in Florence (since 2014).

Серия WP17
Научные доклады
Лаборатории сравнительного анализа
развития постсоциалистических обществ

Ястребов Гордей Александрович

**Динамика социальной мобильности в России
в длительной исторической перспективе**